

ГЕНЕРАЛ СЛАЩЁВ-КРЫМСКИЙ

Победы, эмиграция, возвращение

Олег Сергеевич Смыслов
Генерал Слащев-Крымский.
Победы, эмиграция, возвращение
Серия «Военные тайны XX века»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17100296
Генерал Слащев-Крымский. Победы, эмиграция, возвращение: Вече; 2015

Аннотация

Судьба генерал-лейтенанта Якова Александровича Слащёва удивительна даже для большинства участников Гражданской войны в России. Начав службу гвардейским офицером, Слащёв отличился в годы Первой мировой войны, а Гражданскую войну закончил корпусным командиром. Оказавшись в эмиграции, генерал Слащёв многое переосмыслил в своей жизни, результатом чего стало его возвращение в Советскую Россию и служба в Рабоче-крестьянской Красной армии.

Личность генерала Слащёва была настолько ярка, что стала прототипом генерала Хлудова в пьесе М. А. Булгакова «Бег».

В своей новой книге О. С. Смыслов рассказывает о непростой судьбе белого генерала, вернувшегося в Советскую Россию, и об обстоятельствах его таинственного убийства.

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава первая	8
1	8
2	10
3	11
4	12
5	16
6	18
Глава вторая	20
1	20
2	23
3	25
4	27
5	30
6	33
Глава третья	35
1	35
2	37
3	38
4	43
5	47
6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

О. С. Смыслов
Генерал Слащев-Крымский.
Победы, эмиграция, возвращение

© Смыслов О. С., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Городу-герою Керчи, где есть улица Курсантов, посвящая...

От автора

Его жизнь не просто заинтересовала меня, как обычно интересуют нас невероятно удивительные истории. Она показалась мне необычайно яркой, несказанно честной, храброй, мужественной и поучительно трагичной. Непросто найти вторую такую среди биографий военачальников Белой армии. Яков Александрович Слащёв-Крымский был среди них самой настоящей «белой вороной». Как потомственный русский дворянин, он любил военное дело больше всего на свете. Для него профессия защищать своё Отечество всегда стояла на самом первом месте. В таких исключительных умах и характерах выбора не существует. И он посвятил себя этому делу до конца, как в таких случаях говорят, без остатка. Более того, своими манерами и поведением Яков Александрович в некотором роде весьма походил на знаменитых русских генералов, таких как Денис Давыдов и Михаил Скобелев. Общего действительно много, но, к сожалению, военному таланту Слащёва раскрыться, в полном смысле этого слова, так и не довелось. Увы, виной тому были всего лишь обстоятельства, которые, как мы знаем, нередко бывают выше нас.

При жизни его называли по-разному: и «генералом Яшей», и «Слащёвым-Крымским», и «Слащёвым-вешателем», и «генералом-предателем крымским», и «товарищем Слащёвым». Где была правда, а где ложь, я и попытался разобраться, пройдя сквозь огромное количество весьма увлекательного материала. Безусловно, прежде всего документального. Написанного о Слащёве оказалось вполне достаточно, чтобы прояснить многое из короткой жизни белого генерала. Талантливый от Бога Яков Александрович и сам находил время писать, что, несомненно, у него получалось. Не зря же говорят, талантливый человек – талантлив во всём! Это касается и моего героя. Он действительно был одарён многими талантами. Но в отечественной истории остался прежде всего за одну из своих главных военных заслуг – защиту белого Крыма.

Правильное написание фамилии Якова Александровича – «Слащёв» или «Слашов», как это встречается у самых разных авторов статей, публикаций и книг, заставило меня поинтересоваться и этим вопросом. К слову сказать, фамилия «Слащёв» образована от прозвища «Слащ», которое восходит к прилагательному «сластный», что в старину имело значение «чувственный, сладострастный». Как считают специалисты, прозвище «Слащ» указывало на особенности характера человека.

С другой точки зрения, его мог получить сладкоречивый человек, льстец. В псковских же говорах такое прозвище обычно давали пряничнику, разносчику сладостей. В 40 % фамилия Слащёв имеет чисто русское происхождение. Точное написание фамилии нашего героя всё-таки через «ё», то есть «Слащёв». Это правильно прежде всего и по правилам русского языка, и по дошедшим до нас историческим документам. Сам Яков Александрович Слащёв свою собственную фамилию так и писал через «ё». А писал он разборчиво и достаточно аккуратно. Личный автограф генерала подтверждает это. На первой книге Слащёва «Ночные действия», изданной в 1913 году, также можно увидеть букву «ё», как и на изданной в 1921 году в Константинополе брошюре «Требую суда общества и гласности». То есть сам Яков Александрович писал свою фамилию правильно, через «ё».

Пролог

В здание Всероссийской Чрезвычайной комиссии на Лубянке, которое в народе прозвали «Госужасом», генерала Слащёва привезли на автомобиле 10 ноября 1921 года. В этот день, как отметит очевидец, погода стояла хорошая, сухая, ровная, с морозами до 6 градусов. Надо сказать, что привезли его не как арестованного, а скорее как гостя, добровольно вернувшегося из заграницы.

Якова Александровича проводили по длинному коридору в один из просторных кабинетов, где его ожидали люди, с любовью названные великим пролетарским писателем Максимом Горьким «чертями драповыми». (Стены дома, где размещалась ВЧК, были облицованы чёрным лабрадором). Удобно расположившись напротив необычно вежливых чекистов, белогвардейский генерал закурил папиросу и согласился на чай. Разговор был спокойным и неторопливым. Нетрудно было заметить даже самым невооружённым глазом, что здесь никто никуда не спешит. Беседа, несколько напоминающая допрос, на самом деле таковой не была.

– Каково ваше отношение к советской власти? – задаётся вопрос из серии тех, что готовятся обычно заранее.

– Не будучи сам не только коммунистом, но даже социалистом, отношусь к советской власти, как к лицам, представляющим мою Родину, как к лицам, представляющим интересы народа, потому что побеждают все нарождающиеся против них движения и, следовательно, удовлетворяют идеям большинства. Как военный ни в одной партии не состою, но служу своему народу и с чистым сердцем подчиняюсь выдвинутому им правительству.

– Что побудило вас приехать?

– Вышеуказанное желание работать на свой народ, предложение Советского правительства через Яна Петровича Ельского и нежелание работать на пользу Англии и Франции.

Допив чай, Яков Александрович рассказал чекистам про общее положение Добровольческой армии и кратко коснулся её численности. Без труда назвал места расположения её частей. Дал ёмкие характеристики руководителям армии:

«Врангель – честолюбив, властолюбив, хитёр и в душе предатель, но самый умник из оставшихся там генералов – ещё могу добавить: продажен и любит (очень умно) присвоить чёрную собственность себе на благо.

Кутепов – отличный строевик – фельдфебель – годится на должность до командира батальона – всегда в поводу у своего начштаба, в военном смысле не стоит ничего.

Шатилов – (начштабглав) – военная бездарность и вор.

Барбович – насколько знаю, человек честный, по образованию мало.

Богаевский (Донской атаман) умница, нерешителен, великолепный кабинетный работник.

Тундутов (Астраханский атаман) – авантюрист, хитрый и смелый, может идти на шантаж, свойственный Врангелю.

Витковский (занимает разные должности и служит помощником Кутепова) – не опасен, очень глуп...»

Вполне логично следует и такой вопрос чекиста:

– Каково настроение офицеров и солдат Добровольческой армии?

– 80 процентов желают вернуться домой, но боятся, – не раздумывая, отвечает белый генерал. – 100 процентов ненавидят Англию и Францию.

– Отношение к Добровольческой армии Англии и Франции?

– Желание использовать как наёмную силу, – звучит твёрдый голос Слащёва.

– Средства существования Добровольческой армии?

– Не знаю. Генерал Врангель через меня получил от Деникина 50 миллионов золотом. Дальнейших дел не знаю. Сейчас платят офицеру 2 лиры, а солдату одну лиру в месяц.

– Планы союзников по отношению к Добровольческой армии?

– Как докладывал, использовать в свою пользу.

– Каковы планы Врангеля для различных белых организаций?

– За счёт будущих благоденствий в России получить от союзников деньги, устроить через подкупных лиц в России смуту и в момент анархии явиться в Россию с организованной Добровольческой армией.

О предложениях, полученных от Антанты, монархических организаций и генерала Шкуро, Слащёв рассказывает достаточно подробно. Чекистов это интересует особенно.

Характеризуя русских эмигрантов в Константинополе, он, как всегда, чужд всяким сантиментам:

– Много мерзавцев и пьяниц – надо делать персональный выбор.

И вот, наконец, наступает кульминация беседы:

– Каково ваше отношение к возможным предложениям Антанты или белых организаций?

– Обо всём предложенном мне доложу правительству. Прошу иметь в виду, что я не изменник, не перебежчик, а я человек, открыто вышедший в отставку и имеющий право поступить на ту службу, к которой влечёт его сердце. Но, поступив на службу, я за свою верность ручаюсь своей честью.

– Ваши предложения относительно дальнейшей службы?

– Прошу строевой должности, даю слово служить честно!

Именно в этот день, 10 ноября 1921 г., во всех советских газетах было напечатано правительственное сообщение о прибытии из Константинополя тайно от барона Врангеля в советскую Россию генералов Слащёва и Мильковского и штаб-офицеров Гильбиха, Мезерницкого и Войнаховского. Как отметит в своём дневнике Н. П. Окунёв, «это маленькое происшествие Стеклов уже поторопился назвать «прозрением». Это, дескать, «толчок, который приведёт в движение не одну совесть. Психологически массы не только рядовых воинов, но и офицеров-белогвардейцев подготовлены, – говорит Стеклов, – к разрыву со своим мрачным прошлым»».

Глава первая

Москва, курсы «выстрел», 1920-е годы

1

Яков Александрович и сегодня читал лекцию, практически не заглядывая в её написанный текст:

– Первое. Рецепта для победы дать нельзя, но указать основы, способствующие победе, можно. Второе. Побеждает сильнейший.

Третье. Всюду сильным быть нельзя – надо уметь распределять свои силы. Четвёртое. Сильным надо быть в районе больном для противника, то есть там, где наша победа отразится скорее, чем успех противника в другом месте. Пятое. Только маневр во всех частях может дать это превосходство сил. Шестое. Человек размещается и действует сообразно свойствам той машины боя, которой он вооружён, и превосходство сил измеряется не только кулаками (штыками), а машинами и готовностью к борьбе данных бойцов. Седьмое. Маневрируют не только людьми, но и огнём. Восьмое. Атака механизированных частей не может производиться валовым способом, а должна откусывать окоп за окопом, сосредотачивая каждый раз (против каждого окопа) превосходные силы. Девятое. знать место огневых точек противника заранее никто не может – их места расположения рота узнает, только вызвав огонь своим наступлением. Поэтому комроты может поставить своим взводам задачу об атаке (не о наступлении), только показав им окоп для этой атаки, то есть раньше рассмотрев его сам. Десятое. Оборона может быть только временным средством. И, последнее, что необходимо вам зазубрить себе на носу. Современные машины настолько сильны, что они в мелких частях сильнее кулаков (штыков), и каждому командиру надо произвести строгую оценку: что лучше – огонь его резерва (поддержки) или его контратака?

После этих слов преподаватель тактики сделал небольшую паузу. Внимательно осмотрел слушателей и, улыбнувшись, сказал:

– Все успевают? Или кто-то ещё ленты к пулемёту подносит? Не забывайте, товарищи, что вы приехали сюда учиться военному делу. И если вы будете познавать это дело медленнее, чем вам это положено, то сами понимаете, – Слащёв развёл руками, – ваши знания не сильно пополнятся необходимой для вас теорией. А теперь продолжим.

Во все времена военная мысль и ставящие ей требования стремились к созданию какого-то рецепта для одержания победы. Даже такой великий практик и теоретик военного дела, как Наполеон, не раз говорил – «Когда у меня будет время – я опишу способы одержания победы – и всем потом это будет просто делать».

Я назвал, между прочим, Наполеона и великим теоретиком военного дела (о его практике, думаю, никто спорить не будет) именно потому, что он все свои решения строил на опыте военной истории. Он сумел использовать все тактические приёмы, выдвинутые революцией, подведя под них научный, теоретический фундамент, взятый им из военной истории, и этим путём создать свою великую тактику, разбившую лучшие армии того времени, действовавшие своим устарелым способом, не соответствующим идее вооружённого народа. Как личность выдающаяся, выдвинутая армией революционной буржуазии Франции, он сумел, впитав в себя её соки, претворить и систематизировать эти соки, дав величайшие образцы военного искусства. Это является одним из образцов значения личности в истории, т. е. сам продукт среды и сам в дальнейшем влияющий на неё.

Если мы проследим военную историю, дошедшую до нас, то мы увидим, что все «законодатели» военного дела, если можно так выразиться, всюду и везде (во все времена) создавали одно положение: сильнейший бьёт слабейшего. Это есть основной принцип военного искусства (прошу прощение за немодное выражение), происходящий от «интегрального полководца» до рядового красноармейца.

Не думаю, чтобы кто-нибудь стал со мной спорить о том, что сильнейший побьёт слабейшего, в особенности после того, как я расшифрую это понятие – в него входит вся сила, то есть человек с его настроением, обучение и те машины, которыми он руководит, – число людей во всей военной истории и практике последнего времени являлось величиной переменной.

Чем же создавалась эта величина? – Тем орудием смерти противника, которое было в руках бойцов и всей армии: когда-то строили бойцов на месте удара в 48 шеренг взамен 12 остального строя, потому что сила была в непосредственной свалке – результат – победа. Когда-то сосредотачивали огромное большинство артиллерии в одном месте (удара), потому что она стреляла от 500 до 1000 шагов, и этим шквалом огня ломали противника, когда-то шли колоннами в одном месте, предоставляя остальное малодействительным тогда стрелкам. Все силы сосредотачивались туда, где можно было достигнуть наибольшего успеха, сделавшего больно противнику. Результат – победа. Этим вырисовывался второй принцип военного искусства, то есть сильнейший бьёт слабейшего, но так как сильным всюду быть нельзя, то надо быть сильным там, где нам выгодно (где больно противнику), и там развить свой успех, то есть принцип частной победы.

Теперь спросим себя, что даёт нам это сосредоточивание сил в нужном месте – ясно передвижение людских и огневых сил туда, куда нам нужно, – то есть МАНЕВР.

Преподаватель тактики курсов «Выстрел» товарищ Слащёв военную форму любил, потому что, как говорится в народе, он в ней родился. Слушатели курсов не могли этого не заметить. На лекции, семинары и занятия он всегда приходил «с иголки»: суконная рубаша из тёмно-серого мундирного сукна была чистенькой и отглаженной, точно такой же парадный вид имели и шаровары тёмно-синего цвета, блестели начищенные сапоги. Сам Яков Александрович был всегда подтянут, форма сидела на нём как влитая. Однако один «недостаток» всё же был: на суконных петлицах (малиновых с чёрной окантовкой), аккуратно пришитых на воротнике рубашки, располагалось по два красно-эмалевых прямоугольника, или по две «шпалы», что соответствовало тогда должностному положению помощника командира полка или командира отдельного батальона (К-8, восьмая категория старшего командного состава РККА из 14-ти «служебных категорий»). Как известно, Яков Александрович в Белой армии имел чин генерал-лейтенанта.

2

18 ноября 1921 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было рассмотрено и утверждено предварительное заключение Л. Д. Троцкого и И. С. Уншлихта по вопросу дальнейшего поведения в отношении Слащёва и его группы:

«Предлагаем:

1) Копии показаний прислать Троцкому и Чичерину, дабы эти показания могли быть изучены с точек зрения военной и дипломатической и дабы заинтересованные ведомства могли поставить ряд дополнительных вопросов перед ВЧК.

2) ВЧК по соглашению с военным ведомством и Наркоминделом (тройка – т.т. Уншлихт, Троцкий, Чичерин) составляет в кратчайший срок сообщение о возвращении группы Слащёва с точными цитатами из показаний Слащова и других о причинах этого возвращения.

3) Одновременно слащовцы составляют воззвание к остаткам белых армий за границей. Воззвание это, просмотренное той же тройкой, публикуется одновременно с сообщением о прибытии группы или немедленно же на следующий день.

4) Ввиду заключающихся в показаниях Слащова ссылок на сравнительно недавние военные предложения агентов Англии и Франции, направленные против Советской России, необходимо отобрать на основании вопросов, сформулированных Наркоминделом, точные показания от Слащова и других, как материал для дипломатической ноты.

5) Ввиду настаивания Слащова и других на предоставлении им военных должностей, преимущественно строевых, ответить им, что военное ведомство несомненно рассчитывает приобрести в их лице ценных работников, но что окончательное определение характера работы сможет произойти только после того, как Красная Армия узнает о самом факте перехода на сторону Советской России названных лиц, поймёт мотивы, вообще освоится с этим фактом.

6) Тем временем главная работа группы Слащова должна состоять в писании мемуаров за период борьбы с Советской Россией. Ввиду того, что мемуары эти обещают дать ценный политический, военный и бытовой материал, предоставить надобности в распоряжение группы Слащова надёжных стенографов, которые облегчили бы работу, и назначить для редактирования и вообще для руководства этой работой определённого товарища литератора.

7) До написания этих мемуаров рекомендовать группе Слащова воздержаться от встреч, посещений и пр., дабы внимание не рассеивалось и работы над мемуарами не затягивались. Указать Слащову и другим на большую политическую важность мемуаров.

8) Поддержать инициативу Слащова в отношении вызова других бывших врангелевцев в Советскую Россию, оказав необходимое содействие».

3

Жизнь Якова Александровича в «Совдепии», как пренебрежительно называли большевистскую Россию в эмиграции, не была счастливой... Нелегал в ВЧК (по заданию белого генерала Алексеева) действительный статский советник, военный контрразведчик Владимир Орлов о Слащёве рассказывал следующее:

«В Москве Слащёва поселили на Садовой, в доме Шустова. Вход был со двора, и окна тоже выходили во двор. В квартире имелись две смежные комнаты и кухня. В третьей комнате жил чекист, верхний этаж был передан старым сотрудникам спецотдела ОГПУ.

У Слащёва был телефон. Прослушивать телефон гораздо удобнее, чем просматривать корреспонденцию. Повар-латыш, который готовил для него, заодно просматривал все письма и фиксировал приходы посетителей, а живший по соседству чекист следил за Слащёвым и днём и ночью, что было источником постоянного унижения. Слащёв уже не был генералом...

Слащёв очень любил животных и в Москве целые дни проводил с соловьем, лишившимся лапки, курицей и воробьем. На лекциях по стратегии, которые Слащёв читал в стрелковом училище, его встречали криками и свистом. Некоторые слушатели в Академии Генерального штаба звали Слащёва «палачом». И даже дома ему не было покоя. Ему постоянно досаждали беспризорники. Однажды в его окно влетел камень, в другой раз на него обрушился целый поток оскорблений и насмешек.

Иногда опрокидывали самовар, а в крупку подмешивали мел.

Однажды Слащёв выбежал из дома с кухонным ножом и скрылся за углом. Через несколько минут он вернулся в комнату с окровавленными руками, глаза его были полны ужаса.

«Эти скоты, – запинаясь, проговорил Слащёв, – пустили в комнату кошку. Она сожрала соловья и загрызла воробья. Всё это подстроено специально, чтобы досадить мне! Здесь всегда так! Своими преследованиями они хотят свести меня в могилу! Будь проклята эта чёртова дыра!»».

Нетрудно заметить, что в этом коротком рассказе переплелись и правда, и вымысел. Можно лишь предположить, откуда господин Орлов взял все перечисленные им случаи. Видимо, из обыкновенных пересказов, которые, пройдя через вторые или третьи руки, обычно превращаются в сплетни.

В ноябре 1921 г. Слащёва действительно поселили на Большой Садовой. Впоследствии (с 1922 г.) он проживал по адресу: Москва, Лефортово, Красноказарменная улица, дом 3. В доме преподавателей курсов «Выстрел». И, надо сказать, что в первые годы пребывания в Москве у Якова Александровича складывалось всё не так плохо, как об этом говорил Орлов. Просто тогда он был сильно нужен новой власти. Как считает А. Пронин, «эффект отъезда Слащева в Советскую Россию, который Лубянка ныне числит в золотом фонде проведённых её спецопераций, оказался потрясающим». По словам писателя А. Слободского, он «всколыхнул, буквально сверху донизу, всю русскую эмиграцию». За ним последовало возвращение на Родину ряда деятелей отечественной культуры, например, Алексея Толстого (1923 год). Но ещё более сильным оказался военно-политический выигрыш. По оценке французской разведки, «переход Слащева на сторону Красной армии нанёс тяжёлый удар по моральному состоянию русских офицеров... Это неожиданная перемена со стороны боевого генерала... авторитет которого имел большой престиж... внесла большое смятение в дух непримиримости, который до сих пор доминировал среди офицеров и солдат Белой армии».

4

С новыми силами, с новыми надеждами Яков Александрович жадно хватается за работу. «Слащёв работает, и как работает! – пишет Д. Мельник. – Помимо лекций он успевает ещё выступать с докладами, публиковать воспоминания и статьи по тактике, а его жена Нина Нечволодова-Слащёва, верный его помощник ещё в войну, организует в «Выстреле» любительский театр. К ним в общежитие после занятий каждый раз приходят преподаватели и слушатели. Это понятно: Слащёв прекрасный педагог, ещё будучи двадцатилетним поручиком, он уже преподавал в элитном Пажеском корпусе в Петербурге».

Очень много статей Слащёва было опубликовано в 1922 году. Например, в «Военном вестнике» в № 9, 10, 11, 12, 13 – «Операции белых, Петлюры и Махно на южной Украине в последней четверти 1919 года». В журнале «Военное дело» (№ 14, 1922 г.) – «Действия авангарда во встречном бою». В этом же журнале в № 15–16 – «Прорыв и охват (обхват)» и «Вопросы полевого устава». В № 17–18 – «Значение укрепленных полос в современной войне».

В 1924 году из-под пера Слащёва выходит книга, так необходимая новой власти: «Крым в 1920 году: Отрывки из воспоминаний». В следующем году Яков Александрович снимается в Крыму в кинофильме «Врангель» (фильм не увидел свет), которое ставило акционерное общество «Пролетарское кино». Играл он, естественно, самого себя: Я. А. Слащёва-Крымского, генерал-лейтенанта, командующего 3-м армейским корпусом, упорно оборонявшим последний оплот Белого движения на юге России.

В 1926 году в журнале «Выстрел» № 3, 1926 г. выходит его статья «Маневр как залог победы». В этом же году брошюра под названием «Период Врангеля. Кто должник? К вопросу о франко-советских отношениях». В 1927-м в журнале «Война и революция» № 6 ещё одна интереснейшая статья – «Борьба с десантами».

А как он преподавал в эти годы! «Особое удовольствие доставляли Слащёву разборные проведённые им сражений, – подчёркивает А. Хинштейн. – В эти часы он точно преобразился, сбрасывал с себя груз прожитых лет и вновь становился прежним Слащёвым-Крымским, не стесняющимся в словах и выражениях.

«Преподавал он блестяще, – вспоминал слушатель школы Батов, ставший впоследствии крупным советским военачальником, – на лекциях народу было полно, и напряжение в аудитории порой было, как в бою. Многие командиры-слушатели сами сражались с врангелевцами, в том числе и на подступах к Крыму, а бывший белогвардейский генерал не жалел ни язвительности, ни насмешки, разбирая ту или иную операцию наших войск».

Чтобы оценить личность Слащёва как преподавателя, стоит немного отвлечься, но исключительно в пределах той эпохи. Например, дочь маршала Конева, Нина Ивановна, в своей книге об отце пишет:

«В 1925–1926 годах отец находился на Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава при Академии РККА (сокращённо КУВНАС). Название «курсы» выглядит на первый взгляд как-то облегчённо, но когда я внимательно изучила конспекты отца, тезисы записанных им лекций, развёрнутые планы семинарских занятий, разного рода академические документы, то испытала удивление: «красные командиры» получали весьма концентрированные и многосторонние знания. Меня восхитили обзоры по истории и теории военного искусства, например, анализ целей войны по трудам Верди дю Верну а, сопоставление стратегических воззрений прусского военного теоретика фон Бюлова и генерал-фельдмаршала Мольтке.

С тех времён в архиве отца сохранились емкие записи лекций знаменитых военных профессионалов, которые учили молодых командиров. Они были благодарной аудиторией:

какое погружение в материал, какая искренняя влюблённость в знание, заинтересованность в деталях и жажда уловить оттенки смыслов в речах образованных наставников!

Профессор Верховский в лекциях о механизмах управления войсками предлагал вниманию слушателей сопоставления с методами управления большим производством, скажем, в США, и советовал задуматься об инициативе и самостоятельности исполнителей, описанных в книге автомагната Форда «Моя жизнь».

Некоторые мысли учителей в записях отца выделены. Обладая опытом участия в мировой и Гражданской войнах, он осознал значение руководства войсками в современном мире как искусство. Стратегический талант, разумеется с его точки зрения, – это дар, который преподносит судьба, но важна и доктрина, которая требует для её постижения интеллектуальных затрат.

Теория не должна быть застывшей догмой: помня о походах Юлия Цезаря, карфагенских войнах и наполеоновских сражениях, необходимо развивать военное искусство с учётом требований времени. Чувство новизны было присуще отцу в полной мере. В тетрадах выделены суждения профессора А. Свечина о том, что «стратегическая доктрина должна быть гибкой, а не представлять жесткое учение». «*Est modus in rebus*» («всё имеет свою меру», по словам Горация). Мы должны искать модус в обстоятельствах данной войны, а не выходить с заготовленным на все случаи модусом».

Сохранился текст воспоминаний отца об учёбе на КУВНАСе, в котором ощущается гордость за то, что молодые командиры были приобщены к учёности, носителями которой были люди, сформированные предшествующей эпохой российской истории. Они получили возможность соприкоснуться с традицией служения Отечеству, взращённой опытом многих поколений русских офицеров».

Любопытно, что, несмотря на приобщение к учёности, соприкосновения с традицией служения Отечеству, на курсах и в академиях Красной армии случались и конфузы. Всё-таки нельзя не учитывать одно весьма важное обстоятельство: преподавали бывшие царские офицеры, а учились вчерашние крестьяне. Один из таких произошёл на занятиях знаменитого А. А. Свечина. Об этом написала правнучка знаменитого начдива Евгения Чапаева:

«Военную историю им преподавал старый царский генерал А. А. Свечин. Предмет он знал конечно же безукоризненно, учил слушателей очень хорошо. Это был один из тех военных специалистов, кто трезво оценивал обстановку в России и поставил себя на службу той настоящей родине, за которую воевал народ. Но у него имелся один «пунктик». Каждый раз, когда речь заходила о каком-нибудь историческом событии, связанным с революционным выступлением масс, он неизменно именовал действия народа «разбойными акциями». А Парижскую коммуну именовал «скопищем бандитов». Короче, все сто двадцать красных «академистов» каждый раз устраивали Свечину обструкцию. Особенно был зол на него Чапаев.

И вот однажды на занятиях А. А. Свечин предложил Василию Ивановичу рассказать, как он усвоил лекцию о знаменитом сражении под Каннами, где войска Ганибалла наголову разгромили чуть ли не вдвое превосходящие их по численности римские войска, показали классический образец окружения противника и уничтожения его по частям. К тому же Свечин, читая лекцию об этом эпизоде из Второй Пунической войны, выражал свой неумеренный восторг по поводу действий предводителя карфагенской конницы Гасдрубала, которая во многом определила исход сражения.

Чапаев начал излагать свою точку зрения с того, что назвал римлян слепыми котятками. Тем самым он развенчал кумира Свечина, и тот не смог удержаться от ядовитого замечания:

– Вероятно, товарищ Чапаев, если бы римской конницей командовали вы, то предмет сегодняшней лекции назывался бы «Разгром Ганибалла римлянами».

Василий Иванович вспылал:

– Мы уже доказали таким, как вы, генералам, как надо воевать!

Он имел в виду знаменитый рейд своих отрядов летом восемнадцатого года. Попав под Уральском в мешок между белочешскими и белоказацкими частями, Чапаев тогда предпринял дерзкий бросок назад, на занятый противником Николаевск, взял город и тем самым не дал соединиться двум крупным вражеским группировкам. Эта операция была образцом руководства боевыми действиями. Но для маститого стратега Свечина Чапаев был неслыханным попранием классического военного искусства. Одним словом, скандал разыгрался по всем правилам...»

На лекциях и занятиях у Якова Александровича Слащёва было всё с точностью до наоборот. «Слащов говорил примерно так, – писал другой его ученик, будущий генерал Карго по лов: – «А помните бой под N? Тогда ваш батальон отошёл в беспорядке, с большими потерями. Произошло это потому, что вы не оценили и не учли то-то и то-то». Задействованной этой оценкой, товарищ поднимался, просил слова и говорил: «А Вы помните бой под N, где мой полк разбил полк Вашей дивизии?» Далее следовало обстоятельное изложение боевых порядков сторон, их действий и причин поражений белых. Случалось, что продолжение спора переносилось на вечернее время в общежитие, куда являлся преподаватель».

«Диспуты эти были столь эмоциональны и захватывающи, – продолжает А. Хинштейн, – что смотреть на них ходили слушатели с разных курсов да и просто сторонние зрители. Проводились они и вне стен курсов. В апреле 1922 года, например, в аудитории военно-научного общества с большим успехом прошёл двусторонний доклад на тему «Оборона Крыма». Докладчиками выступали Слащов и его недавний противник, бывший начальник 46-й дивизии Юрий Саблин. Каждый из ораторов подробно, без сантиментов и кивков разбирал собственные и чужие ошибки.

Преподаватели курсов – все как один бывшие офицеры, многие служили когда-то под началом Слащова – частенько собирались у него дома. По обыкновению пили много, но никогда, даже под винными парами Слащов не позволял никаких крамольных речей, хотя – сомнений нет – удовлетворительным себя не чувствовал.

Оторванный от привычного общества, он ищет забвения в науке. В военных журналах регулярно появляются написанные им статьи...»

Яков Александрович все эти годы, прожитые в стране большевиков, мечтал получить строевую должность. Но, увы, надежды белого генерала так никогда и не осуществились. Д. Мельник очень точно подмечает: «Здесь, в общежитии при «Выстреле», пройдут последние годы Слащёва. Мало хорошего он увидел за эти годы: навязанную ему работу не любил, ежегодно исписывал горы бумаг с просьбами о строевой должности, после очередных обещаний каждый раз всерьёз готовился к отъезду».

Один из коллег Слащёва по курсам «Выстрел», бывший полковник Сергей Харламов, командовавший в Гражданскую войну красными армиями, расскажет впоследствии на допросах о Якове Александровиче:

«И сам Слащёв, и его жена очень много пили. Кроме того, он был морфинист или кокаинист. Пил он и в компании, пил и без компании.

Каждый, кто хотел выпить, знал, что надо идти к Слащёву, там ему дадут выпить. Выпивка была главной притягательной силой во всех попойках у Слащёва. На меня не производило впечатления, что вечеринки устраивают с политической целью: уж больно много водки там выпивалось.

Я бывал на квартире у Слащёва 2–3 раза не специально по приглашению на вечеринку, а или по делу, или по настойчивому приглашению зайти на минутку. И так как водку там пили чаще, чем обычно мы пьём чай, то бывала и водка.

Жена Слащёва принимала участие в драмкружке «Выстрела». Кружок ставил постановки. Участниками были и слушатели, и постоянный состав. Иногда после постановки

часть этого драмкружка со слушателями-участниками отправлялась на квартиру Слащёва и там пьянствовала. На такое спаивание слушателей командованием курсов было обращено внимание и запрещено было собираться со слушателями.

Что за разговоры велись там на политическую тему – сказать не могу. Знаю только, что часто критиковали меня как начальника отдела и кое-кого из преподавателей тактики... Ко мне Слащёв чувствовал некоторую неприязнь и иногда подпускал по моему адресу шпильки.

Последнее время при своей жизни он усиленно стремился получить обещанный ему корпус. Каждый год исписывал гору бумаг об этом. Помню, раз даже начал продавать свои вещи, говоря, что получает назначение начальником штаба Тоцкого сбора. Никаких, конечно, назначений ему не давали. Но каждый раз после подачи рапорта он серьёзно готовился к отъезду».

5

Передо мной лежат три так называемых УПК – учётно-послужные карточки на Слащёва Якова Александровича. Несколько минут назад их принесли из специального хранилища. Первая – служебная карточка за № 249775 – самая основная из трёх:

«Родился: 29 декабря 1885 г., в г. Ленинграде. Национальность – великоросс. Родной язык – русский. Какими другими языками владеет и в какой степени – не владеет. Социальное происхождение – из дворян. Профессия до поступления в РККА – бывший кадровый офицер. Основная профессия родителей: до Октябрьской революции – отца – военнослужащий. Семейное положение – женат. Жена и дочь. Партийность – беспартийный...

Образование: гражданское – реальное училище 1903 г. Военное: в старой армии:

Павловское военное училище 1905 г., Николаевская Академия Генерального штаба по 1 разряду. В РККА: не имеет.

Военно-служебный стаж. В старой армии: вступил на службу юнкером 31 августа 1903 года. Произведён в офицеры 22 июня 1905 года.

Последний чин, должность и часть: полковник, командир полка.

Служба в белых и иностранных армиях – был в армии Врангеля с 1917 по 1921 г.

Вступил на службу в РККА добровольно 1 августа 1922 г. Время пребывания в должности 4 года 6 месяцев. Высшая стрелковая школа.

Штатный преподаватель тактики.

Категория и состав: К-8.

Дата: 1/VIII-22 г.

Главное Управление РККА.

Состоящий в распоряжении. 1/XI – 28 г. РВС 28 г, № 706».

В заключение карточки имеется графа «аттестация». И вот что написано по этому поводу у Слащёва:

«По какой должности Штатный преподаватель тактики.

Окончательный вывод аттестации:

В 1925 году – «Должности преподавателя соответствует».

В 1927 году – «Соответствует занимаемой должности»».

И, наконец, последняя аттестация за 1928 год:

«По знаниям и опыту должности преподавателя может безусловно соответствовать, но работой этой тяготеется, не отдаёт ей всех сил и знаний, ведёт её небрежно. Поэтому желательно освободить от преподавательской работы и направить в части на штабную должность».

Вторая карточка за № 249776 называется учётной:

«Слащёв Яков Александрович. Пехота. ВУЗ. К-8. 13 р., приказ РВСР 1925 г. № 35 (разряд должностной со ссылкой на приказ, где объявлен, штат части)».

Эта карточка в некотором роде похожа на первую. Вот только в её записях есть некоторые расхождения и дополнения. Коснёмся именно их:

«Какими другими языками владеет – французским, немецким»;

«С какого времени состоит на службе в Р. К. К. А. – с 11 ноября 1921»;

«Служил ли в Белой армии – служил в армии Врангеля с 23/XII – 17 по 21/XI – 20 г.»;

«Участие в войнах: а) в 1914–1917 гг. Лейб-Гвардии Финл. Полк.

б) в гражданской нет»;

«Был ли ранен или контужен:

а) в 1914–17 г. а) 5 раз ранен.

б) в гражданской б) нет»;

«Окончательный вывод последней аттестации: не получен...

г) Подлежит увольнению от службы, как бывший белый... (далее неразборчиво)»;

«Семейное положение – жена и тесть».

В третьей карточке за № 249777 значится:

«МВО. 1923 № папки 746. Стр.43. Род оружия: ГУВУЗ. КОМСОСТАВ.

Разр. 15 пр. РВСР № 2480 1922 г.

Фамилия: Слащёв. Имя: Яков. Отчество: Александрович».

В ней две новых записи:

«Участие в войнах: 1915–1920» и «Дети и пр. члены семьи, состоящие на иждивении: дочь 7 лет».

6

Они уже собирались ложиться, когда Яков Александрович, чуть качнувшись, снова сел за стол.

– Ниночка, – он вопросительно посмотрел на жену, – давай ещё выпьем, так сказать, на коня?

– Да хватит тебе, Яша! Вставать же рано. Уж изволь идти в постель.

Слащёв грустно улыбнулся, наполнил гранёную рюмку на ножке до краёв и тут же её опрокинул.

– Как мне всё надоело, Нина! – он хотел повторить привычное движение, но жена убрала початую бутылку в буфет. – Ты не представляешь, как я устал. Устал морально. Ведь они не хотят отпускать меня в строй, вот и держат, как пса на цепи.

– Ничего, Яша, – супруга Слащёва присела рядом. – Ты, самое главное, не опускай руки. Пиши им чаще, напоминай о себе, может, кто-нибудь о тебе и вспомнит. А на нет и суда нет!

– Нет, Ниночка, больше обо мне никто и никогда не вспомнит. Я им больше не нужен. Терпят меня и точка. В последнее время мне часто снится море. То самое, ноябрьское море двадцатого года. В те дни я почему-то увидел его чёрным. Представляешь, холодное, солёное, необъятное, как всегда непостоянное, и вдруг чёрное! Помню, тогда я впервые ехал в купе второго класса как частное лицо. Кажется, это было 13–14 ноября. Никто уже не обращал на меня внимания, и я совершенно спокойно наблюдал трагическую картину бегства и разгул грабежа. Мне уже было абсолютно безразлично всё... Помнишь, как тебе – моей жене – отвели место на вспомогательном крейсере «Алмаз», который к моему приезду уже вышел в море. Для меня же места не было ни на одном из судов. И только на «Илью Муромца» меня взяли по личной инициативе морских офицеров, хорошо знавших меня. Туда же мне удалось поместить брошенные остатки моего лейб-гвардии Финляндского полка, к счастью, вместе с полковым знаменем. Мы вышли в море, и я очень долго смотрел на эту стихию. Я люблю стихию. А меня лишили этой стихии. Сначала там, в Константинополе. Теперь здесь, в Москве. Я провожу эту параллель неслучайно. Меня снова бросили, и для меня нет свободного места на судне. Осталось только море, на которое я могу смотреть бесконечно...

Слащёв смахнул рукой пьяную слезу и очень тихо, проглатывая остальные, стал читать стихотворение белого офицера Николая Туроверова «Крым»:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...

Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Глава вторая

Про «бег» Михаила Булгакова

1

В 1925 году русский советский писатель, драматург и театральный режиссёр Михаил Афанасьевич Булгаков совершил поездку в Крым. Целых три недели он гостил в Коктебеле у Максимилиана Волошина, который был одним из немногих, кто по достоинству оценил роман «Белая гвардия». После Коктебеля Булгаков побывал в Ялте и Севастополе. Свои южные впечатления великий писатель отразил в путевых заметках «Путешествие по Крыму». В них он, например, не без юмора описал, как купил книжку «Крым». Вторая жена Булгакова Л. Е. Белозерская очень хорошо запомнила этот казус:

«Мы купили путеводитель по Крыму д-ра Саркизова-Серазини. О Коктебеле было сказано, что природа там крайне бедная, унылая. Прогулки совершать некуда... Неприятность от пребывания в Коктебеле усугубляется ещё и тем, что здесь дуют постоянные ветра. Они действуют на психику угнетающе, и лица с неустойчивой нервной системой возвращаются после поездки в Коктебель ещё более с расстроенными нервами... Мы с М. А. посмеялись над беспристрастностью д-ра Саркизова-Серазини...»

«Дома при опостылевшем свете рабочей лампы, – пишет в путевых заметках Булгаков, – раскрыли мы книжечку и увидели на странице 370-й («Крым». Путеводитель. Под общей редакцией президиума Моск. Физио-Терапевтического Общества и т. д. Изд. «Земли и Фабрики») буквально о Коктебеле такое:

«Причиной отсутствия зелени является «крымский сирокко», который часто в конце июля и августа начинает дуть неделями в долину, сушит растения, воздух насыщает мелкой пылью, до иступления доводит нервных больных... Беспрерывный ветер, не прекращавшийся в течение 3-х недель, до иступления доводил неврастеников. Нарушались в организме все функции, и больной чувствовал себя хуже, чем до приезда в Коктебель».

(В этом месте моя жена заплакала.)

«...Отсутствие воды – трагедия курорта, – читал я на стр. 370–371, – колодезная вода солёная, с резким запахом моря...»

– Перестань, детка, ты испортишь себе глаза...

«...К отрицательным сторонам Коктебеля приходится отнести отсутствие освещения, канализации, гостиниц, магазинов, неудобства сообщения, полное отсутствие медицинской помощи, отсутствие санитарного надзора и дороговизну жизни...»

– Довольно! – нервно сказала жена».

Кому как не Михаилу Булгакову было не знать, что воздух Крыма, его красочные картинки, приморские пляжи, разнообразная растительность, горные леса, превеликое множество памятников культуры дышат поэзией и вряд ли оставят любого литератора равнодушным. Не зря же Крым называют жемчужиной! Как пишет В. П. Дюличев в «Рассказах по истории Крыма», «С глубокой древности в Крыму перекрещивались сухопутные и морские дороги, причудливо переплетались пути многотысячелетней истории человечества. Здесь сталкивались интересы оседлого населения и кочевников, земледельцев и скотоводов, аборигенов и пришельцев. Благодаря исключительно благоприятным условиям Крымский полуостров всегда привлекал к себе человека, и неслучайно по количеству памятников он занимает одно из первых мест. На крымской земле они распространены повсеместно.

На Южном берегу, в горах, в степном Крыму, Присивашье, на Керченском полуострове, на Тарханкуте».

Поездка писателя в Крым, судя по его заметкам, оказалась во всех случаях познавательной. Как известно, ворота в жемчужину открывает Джанкой – город, до сих пор славный своими вековыми традициями. Михаил Булгаков, проехав на поезде от Москвы до Джанкоя за тридцать часов, первым делом отправился его осмотреть:

«Юркий мальчишка, после того как я с размаху сел в джанкойскую грязь, стал чистить мне башмаки. На мой вопрос, сколько ему нужно заплатить, льстиво ответил:

– Сколько хотите.

А когда я ему дало 30 коп., завыл на весь Джанкой, что я его ограбил. Сбежались какие-то женщины, и одна из них сказала мальчишке:

– Ты же мерзавец. Тебе же гривенник следует с проезжего.

И мне:

– Дайте ему по морде, гражданин.

– Откуда вы узнали, что я проезжий? – ошеломленно улыбаясь, спросил я и дал мальчишке ещё 20 коп. (Он чёрный, как навозный жук, очень рассудительный, бойкий, лет 12, если попадёте в Джанкой, бойтесь его.)

Женщина вместо ответа посмотрела на носки моих башмаков. Я ахнул. Негодяй их вымазал чем-то, что не слезает до сих пор. Одним словом, башмаки стали похожи на глиняные горшки».

Следующая зарисовка – «В бухте – курорт Коктебель»:

«В нём замечательный пляж, один из лучших на крымской жемчужине: полоска песку, а у самого моря полоска мелких, облизанных морем разноцветных камней».

Здесь Булгаков пишет про людей, болеющих «каменной болезнью»:

«Приезжает человек, и если он умный – снимает штаны, вытряхивает из них московско-тульскую дорожную пыль, вешает в шкаф, надевает короткие трусики, и вот он на берегу.

Если не умный – остаётся в длинных брюках, лишаящих его ноги крымского воздуха, но всё-таки он на берегу, чёрт его возьми!

Солнце порою жжёт дико, ходит на берег волна с белыми венцами, и тело отходит, голова немного пьянеет после душных ущелий Москвы.

На закате новоприбывший является на дачу с чуть-чуть ошалевшими глазами и выгружает из кармана камни.

– Посмотрите-ка, что я нашёл!»

Про Ялту великий писатель говорит с явным восторгом:

«Но до чего же она хороша!

Ночью, близ самого рассвета, в черноте один дрожащий огонь превращается в два, в три огня – в семь, но уже не огней, а драгоценных камней... (...)

Наутро Ялта встала, умытая дождём. На набережной суется больше, чем на Тверской: магазинчики налеплены один рядом с другим, всё это настезь, всё громоздится и кричит, завалено татарскими тубетейками, персиками и черешнями, мундштуками и сетчатым бельём, футбольными мячами и винными бутылками, духами и подтяжками, пирожными. Торгуют греки, татары, русские, евреи. Всё в тридорога, всё «по-курортному» и на всё спрос. Мимо блестящих витрин непрерывным потоком белые брюки, белые юбки, жёлтые башмаки, ноги в чулках и без чулок, в белых туфельках».

А вот перед Булгаковым и знаменитая Ливадия:

«...в Ялте вечер. Иду всё выше, выше по укатанным узким улицам и смотрю. И с каждым шагом вверх всё больше разворачивается море, и на нём, как игрушка с косым парусом, застыла шлюпка. Ялта позади с резными белыми домами, с остроконечными кипарисами. Всё больше зелени кругом. Здесь дачи по дороге в Ливадию уже целиком прячутся в зелёной

стене, выглядывают то крышей, то белыми балконами. Когда спадает жара, по укатанному шоссе я попадаю в парки. Они громадны, чисты, полны очарования.

Море теперь далеко, у ног внизу, совершенно синее, ровное, как в чашу налито, а на краю чаши, далеко, – лежит туман.

Здесь, среди выложенных аллей, среди дорожек, проходящих между стен розовых цветников, приютился раскидистый и низкий, шо ко ладно-штучный дворец Александра III, а выше него, невдалеке, на громадной площадке белый дворец Николая II».

В Москву Булгаков уезжал «вечером из усеянного звёздами Севастополя, в тёплый и ароматный вечер, с тоскою и сожалением»!

И, кто знает, случайно ли, но в следующем году – 1926-м, Михаил Афанасьевич начал работу над театральной пьесой «Бег». Она состоит из восьми снов, три из которых происходят в том самом Крыму. Сон второй – в начале ноября 1920 года «где-то в Крыму». Сон третий и сон четвёртый – в начале ноября в Севастополе. Случайно ли?

2

Михаил Александрович родился 3(15) мая 1891 года в большой семье доцента (позже профессора) духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова в Киеве. В 1909 году выпускник киевской гимназии Миша Булгаков поступил на медицинский факультет Киевского университета, а в 1916 году Михаилу Булгакову вручили диплом об утверждении «в степени лекаря с отличием со всеми правами и преимуществами, законами Российской Империи сей степени присвоенными».

В годы Первой мировой войны будущий великий писатель несколько месяцев работал врачом в прифронтовой зоне. Его направляли на работу в село Никольское Смоленской губернии, а затем в Вязьму. В феврале 19-го (в период Гражданской войны) Булгакова мобилизовали как военного врача в армию Украинской Народной Республики. Успел он поработать и врачом Красного Креста, и врачом в Красной армии. А осенью 19-го, в ходе уличных боёв, Михаил Афанасьевич перешёл на сторону Вооружённых сил Юга России и был назначен военным врачом 3-го Терского казачьего полка, в составе которого принимал участие в боевых действиях на Северном Кавказе. В начале 1920 года во время отступления Добровольческой армии Булгаков заболел тифом и по воле судьбы, из-за этой страшной болезни, не смог уйти в Грузию, оставшись во Владикавказе.

С сентября 1921 года Михаил Афанасьевич живёт в Москве и начинает свою литературную деятельность прежде всего как фельетонист в газетах «Гудок» и «Рабочий». Печатается в журналах «Медицинский работник», «Россия» и «Возрождение». Например, с 1922 по 1926 год только в «Гудке» им было опубликовано более 120 репортажей, очерков и фельетонов. Отдельные произведения Булгакова появляются в берлинской газете «Накануне». Уже в 1923 году М. Булгаков вступил в Союз писателей. В 1924 году издают его роман «Белая гвардия», а в 1926-м во МХАТе с огромным успехом прошла его пьеса «Дни Турбиных», которая понравилась самому Иосифу Сталину. В конце года в Театре им. Вахтангова с не меньшим успехом прошла следующая пьеса – «Зойкина квартира». И вот Михаил Афанасьевич приступает к работе над пьесой «Бег».

«Пьеса «Бег», по замыслу автора, должна была продолжить тему романа «Белая гвардия»: инсценировка этого романа – пьеса «Дни Турбинных» – была допущена к постановке во МХАТе по личному распоряжению Сталина и выдержала более тысячи представлений, – рассказывает С. Гаврилов. – Генерал-лейтенант вооружённых сил юга России Яков Александрович Слащёв – прототип главного героя пьесы Романа Валерьяновича Хлудова – неоднозначная фигура белого движения. (...)

Михаил Булгаков тщательно изучил биографию своего героя... противоречивые, часто немотивированные поступки Слащёва озадачили Булгакова. В первой редакции пьесы «Бег» драматург создал портрет Хлудова, в характере которого звучали истеричные проявления «загнанного в угол человека». Что-то было не так. Писательская интуиция и проницательность заставили Михаила Афанасьевича отказаться от подобной трактовки образа. Он ещё раз перечитал мемуары генерала и задумался. В биографии Якова Слащёва оставалось единственное тёмное пятно – двухмесячный период пребывания в Николаеве, Вознесенске и Новом Буге...

Уроженец Киева Михаил Булгаков даже проездом не бывал в Николаеве. Здесь у него не было ни друзей, ни знакомых, ни сослуживцев. Драматург нуждался в помощи постороннего человека, который мог бы приехать в город и расспросить очевидцев о деятельности администрации генерала Слащёва в конце 1919 – начале 1920 годов.

Этот человек нашёлся. Елена Александровна Митруль – 2-й редактор газеты «Киевский рабочий» и дальняя родственница писателя (вдова двоюродного брата Константина) –

сама предложила Булгакову услуги. Она согласилась съездить в Николаев, чтобы найти людей, переживших деникинскую оккупацию, и переговорить с ними. Это журналистское расследование представлено в письмах, которые долгое время хранились в Булгаковском фонде библиотеки им. Ленина и были опубликованы издательством «Советский писатель» в 1989 году».

3

21 апреля 1929 года. Е. А. Митруль – М. А. Булгакову:

«...В ноябре 1919-го начальник временной администрации Николаева от генерал-майора Слащёва полковник Бриссель издал три приказа населению: первый о добровольной сдаче холодного и огнестрельного оружия; второй – об обязательной работе торговых лавок, магазинов, театра, школ и библиотек; третий – о введении комендантского часа для гражданских лиц с 21.00 до 05.00. Всех празднующихся примерно наказывать, вплоть до расстрела.

...Комендант Бриссель в связи с военным положением отменил гражданское и уголовное судопроизводство. Всех воров, карманников, грабителей и мародёров судил военный трибунал. В ноябре на рыночной площади в Николаеве публично повесили 14 человек, среди которых 6 денкинец (2 офицера и 4 нижних чина), остальные – из числа ночных грабителей.

...В середине ноября для устрашения населения расстреляны в Адмиралтействе более 50 подстрекателей к беспорядкам и поджигателей. Среди них было много невинных заложников.

...В последнюю неделю месяца объявлена мобилизация в армию. Все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет должны были явиться в комендатуру для получения продовольственного пайка и амуниции. 30 ноября была устроена показательная казнь 8 дезертиров на Магистратской площади.

(Записано со слов бывшего члена попечительского совета Александровской гимназии А. Н. Дробышева)».

2 мая 1929 г. М. А. Булгаков – Е. А. Митруль:

«...Огромное спасибо за ценные свидетельства, о коих мне ничего известно не было. Хорошо бы послушать людей, лично встретивших и говоривших с нашим persone. Какое впечатление он производил на посторонних, не было ли чего необычного в поведении и речи? Многие считают интересующего нас человека морфинистом. Был ли он таковым? Впрочем, если эти вопросы останутся без ответа, я всё равно перед тобой в неоплатном долгу».

14 мая 1929 года. Е. А. Митруль – М. А. Булгакову:

«...Миша, радуйся! Удалось тихонько побеседовать с двумя людьми, которые встречались с нашим *visé-a-visé* и были с ним на «короткой ноге». Мои собеседники боятся всего, и потому я пообещала им подлинную конфиденциальность.

Они входили в состав депутации от городской Думы, которая обратилась к Нему лично с просьбой «заклечь гражданскую жизнь города в надлежащее русло». Это было сделано очень быстро. В Николаеве везде появились патрули, которые сделали жизнь людей безопасной. Прекратились ночные погромы и грабежи, открылось временное отделение Русско-азиатского банка. Многим вернули конфискованные дома и квартиры. Из общих впечатлений моим собеседникам запомнилась массовая принудительная мобилизация в армию. Прямо под Новый год забрали всех мужчин для службы в специальном ополченческом батальоне. Некоторые пытались спрятаться, их ловили и расстреливали. Одного стряпчего нотариальной конторы – отца двоих детей – застрелили как дезертира на глазах всей семьи прямо во дворе его дома.

Комендант города распорядился поставить часовых у входа в городской аквариум и выделить средства на содержание зверей и птиц...

Интересующую вас личность описывают примерно так: худой, высокий и темно-волосый человек. Тонкие черты лица, говорит тихо и без эмоций. Команды «расстрелять» и «подавать ужин» отдаются в одной эмоциональной тональности. Внешне бесстрастен, под-

чиняет этические понятия «справедливость», «добро» и «честность» сиюминутной военной целесообразности».

4

Как вспоминала вторая жена Булгакова – Любовь Евгеньевна Белозерская, пьеса «Бег» была написана на большом подъёме, «которую совершенно произвольно наши литературоведы называют продолжением «Дней Турбинных». Сам Михаил Афанасьевич никогда не рассматривал её как продолжение «Дней Турбинных». Хотя пьеса была посвящена основным исполнителям «Турбинных» и ему мечталось увидеть их на сцене в «Беге», всё же драматургическое звучание этой вещи иное, камертон дан на иной отправной ноте. Хватка драматурга окрепла, диапазон расширился, и его изобразительная палитра расцвела новыми красками. В «Днях Турбинных» показано начало белого движения, в «Беге» – конец. Таким образом, вторая пьеса продолжает первую только во времени. Впрочем, в мою задачу не входит полемика с теми, кто думает иначе. «Бег» – моя любимая пьеса, и я считаю её пьесой необыкновенной силы, самой значительной и интересной из всех драматургических произведений писателя Булгакова.

К сожалению, я сейчас не вспомню, какими военными источниками, кроме воспоминаний генерала Слащёва (*Слащёв А. Я.* Крым в 1920 году. Отрывки из воспоминаний с предисловием Д. Фурманова, М. – Л.: Госполитиздат, 1924), пользовался М. А., работая над «Бегом». Помню, что на одной карте были изображены все военные передвижения красных и белых войск и показаны, как это и полагается на военных картах, мельчайшие населённые пункты.

Карту мы раскладывали и, сверяя её с текстом книги, прочерчивали путь наступления красных и отступления белых, поэтому в пьесе так много подлинных названий, связанных с историческими боями и передвижениями войск: Перекоп, Сиваш, Чонгар, Курчулан, Алманайка, Бабий Гай, Арабатская стрелка, Таганаш, Юшунь, Керман-Кемальчи...»

«Чтобы надышаться атмосферой Константинополя, в котором я прожила несколько месяцев, М. А. просил меня рассказывать о городе. Я рассказывала, а он как художник брал только самые яркие пятна, нужные ему для сценического изображения.

Крики, суэта, интернациональная толпа большого восточного города показаны им выразительно и правдиво (напомню, что Константинополь в то время был в ведении представителей Франции, Англии, Италии. Внутренний порядок охраняла международная полиция. Султан номинально ещё существовал, но по ту сторону Босфора, на азиатском берегу, уже постреливал Кемаль).

Что касается «тараканьих бегов», то они с необыкновенным булгаковским блеском и фантазией родились из рассказа Аркадия Аверченко «Константинопольский зверинец», где автор делится своими константинопольскими впечатлениями тех лет. На самом деле, конечно, никаких тараканьих бегов не существовало. Это лишь горькая гипербола и символ – вот, мол, ничего иного эмигрантам не остаётся, кроме тараканьих бегов».

К слову сказать, книга Слащёва «Крым в 1920 г.» при написании «Бега» была настольной. Сам же Михаил Афанасьевич одно время даже жил напротив дома четы Слащёвых. В феврале – марте 1922 года он заведовал издательской частью в Военно-редакционном совете Научно-технического комитета Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. Именно там у него были хорошие возможности для консультаций с военными специалистами из бывших офицеров. И ещё. По утверждению Ярослава Тинченко, Булгаков «пару раз заходил на спектакли драмкружка «Выстрела»».

Кроме мемуаров Слащёва, вне всяких сомнений, великий писатель пользовался и другими источниками. Например, в «Энциклопедии Булгакова» предположительно указывается, что «к 1933 г. Булгаков, возможно, уже ознакомился с воспоминаниями П. Н. Врангеля, вышедшими в 1928–1929 гг. в берлинском альманахе «Белое дело». Там Я. А. Слащёв харак-

теризовался крайне негативно, с подчёркиванием болезненных элементов его сознания, хотя военный талант генерала не ставился под сомнение».

Там же можно прочесть и том, кто был явным предшественником Хлудова в булгаковском творчестве:

«Безымянный белый генерал из рассказа «Красная корона» (1922). К нему по ночам приходит призрак повешенного в Бердянске рабочего (возможно, этого казнённого Булгакову довелось видеть самому). Трудно сказать, насколько в образе генерала из «Красной короны» мог отразиться прототип Хлудова Я. А. Слащёв. Он к тому времени не успел ещё выпустить мемуары «Крым в 1920 г.», но уже вернулся в Советскую Россию, чему в 1921 г. газеты уделили немало внимания. Слащёв ещё в Константинополе издал книгу «Требую суда общества и гласности» о своей деятельности в Крыму. С этой книгой автор Б(ега) вполне мог быть знаком. Прочитанные здесь грозные слащёвские приказы могли повлиять на образ генерала-вешателя из «Красной короны».

Р. В. Хлудов выступает непосредственным предшественником Понтия Пилата в «Мастере и Маргарите». Этот роман был начат Булгаковым в 1929 г., сразу по окончании первой редакции пьесы, а задуман параллельно с ней – в 1928 г. В Б(ега) главный упор сделан не на анализ уроков гражданской войны самих по себе, а на философское осмысление цены крови вообще, казни невинных во имя идеи – и морального наказания (в виде мук совести) за это преступление. По цензурным соображениям в Б(ега) речь идёт о белой идее, и именно как её носителя Чарнота обвиняет Хлудова в своей незавидной эмигрантской судьбе. Однако с тем же успехом образ Хлудова можно спроецировать на любую другую, коммунистическую или даже христианскую, во имя которых в истории тоже были пролиты реки невинной крови (о христианской идее и пролитой за неё крови позднее в «Мастере и Маргарите» будут говорить Левий Матвей и Понтий Пилат). Отметим, что финал с самоубийством Хлудова смотрится в свете этого достаточно искусственно. Ведь в тексте остались слова главного героя о том, что он решился вернуться в Россию, пройти под «фонариками», причём в результате «тает моё бремя», и генерала отпускает призрак повешенного Крапилина. Раскаяние и готовность ответить за преступление перед людьми, даже ценой возможной казни, по Булгакову, приносит искупление и прощение. Понтий Пилат лишён возможности предстать перед иным судом, кроме суда своей совести, за казнённого Иешуа Га-Ноцри, который может осудить своих палачей лишь на страдание нечистой совести, но не на земное наказание. Поэтому в финале «Мастера и Маргариты» не вполне ясно, совершил ли прокуратор Иудеи самоубийство, бросившись в горную пропасть, или просто обречён после смерти в месте своей ссылки на муки совести за трусость, приведшую к казни невинного. При этом Понтию Пилату Булгаков всё же дарует прощение устами Мастера. Не исключено, что именно в связи с развитием образа Пилата в 1937 г. писатель так и не выбрал между двумя вариантами финала Б(ега) – с самоубийством или с возвращением Хлудова, который уже рассматривался как некий двойник прокуратора Иудеи.

В первой редакции Б(ега) Хлудов перед знаменитой своей сентенцией: «Нужна любовь. Любовь. А без любви ничего не сделаешь на войне», цитировал известный приказ Л. Д. Троцкого: «Победа катится по рельсам...», угрожая повесить начальника станции, если тот не сумеет отправить вовремя бронепоезд. Здесь – дальнейшее развитие мысли полковника Алексея Турбина («Народ не снами. Он против нас»), что всякая идея может стать действенной, только обретя поддержку масс, здесь и «оборачиваемость» красной и белой идеи: Хлудов, как и Слащёв, как и мало отличавшийся в этом отношении от хлудовского прототипа Врангель, спокойной жестокостью и военно-организационным талантом подобен Председателю Реввоенсовета и главе Красной армии Л. Д. Троцкому (разве что жестокость Врангеля и Троцкого более расчётлива, чем у Слащёва).

Не исключено, что Булгаков наградил Хлудова и собственными переживаниями, только не из-за убийства невинного, а в связи с тем, что не смог предотвратить гибель человека. В «Красной короне», где главный герой становится двойником генерала, мучаясь после смерти брата, в рассказах «Я убил» и «В ночь на 3-е число», в романе «Белая гвардия» персонажи, имеющие очевидные автобиографические корни, испытывают сходные муки совести. Когда и как могла произойти такая трагедия в жизни драматурга, вряд ли удастся достоверно установить. Возможно, что переживания были связаны с гибелью безымянного полковника, которому врач Булгаков был бессилён помочь под Шали-аулом. Воспоминания об этом событии послужили, вне всякого сомнения, важным толчком к созданию Б(ега)».

«Для того чтобы, минуя цензуру, попытаться осмыслить Гражданскую войну с коммунистических позиций, часто приходилось прибегать к такому «эзопову языку», который был понятен лишь очень узкому кругу лиц. В Б(ега) есть очень мощный пласт национальной самокритики, не замеченный подавляющим большинством читателей и зрителей. Он ярче всего выражен в первой редакции пьесы и связан с одним из прототипов генерала Чарноты», – подчёркивается в «Энциклопедии Булгакова».

По точному определению В. И. Сахарова, пьеса «Бег» как лирическая драма имеет тщательно воссозданную документальную и историческую основу. Каждый факт здесь обдуман и отобран. Книги генерала Я. А. Слащёва и журналиста-эмигранта И. М. Василевского, мемуары белогвардейцев, устные воспоминания очевидцев, и прежде всего крымские, константинопольские, берлинские и парижские впечатления Л. Е. Белозерской, эмигрантские сочинения известных писателей А. Аверченко и А. Н. Толстого, газеты, полевые карты, собственное пребывание в Белой армии – всё служит Булгакову материалом. Ему нужны точные подробности, звуки города, яркие пятна: «Какая толпа? Кто попадается навстречу? Какой шум слышится в городе? Какая речь слышна? Какой цвет бросается в глаза?».

Даже собственные произведения становятся для Булгакова источником – огни в порту и тема бегства в Константинополь приходят в «Бег» из «Записок на манжетах», бунинский образ утлого, гибнущего корабля-ковчега и бегущих с него крыс встречается в «Белой гвардии» и «Днях Турбинных», рассказы о терроре белых есть в «Необыкновенных приключениях доктора» и «Красной короне», слова о жизни-сне возникают в «Зойкиной квартире», а «тараканий царь» Артур Артурович – обнаглевший двойник льстивого Ликуя Исаевича из «Багрового острова». Здесь же есть и насмешки над неграмотными беспринципными журналистами, знакомые нам по ранней сатирической прозе Булгакова.

Как всегда, в пьесе продуманно отобран и переосмыслен собственный жизненный опыт, впечатления киевской юности и офицерской службы на Северном Кавказе. Но к ним добавлены мысли о только что возникшей русской эмиграции, и это сделано писателем, никогда не бывшим за границей, если не считать меньшевистской Грузии и гетманской Украины. Здесь нет ничего случайного или наспех придуманного.

Булгаков сам хотел бежать из Батума в Константинополь, живо интересовался русской эмиграцией как уникальным и трагическим феноменом призрачного инобытия миллионов людей, он жил в очень пёстрой среде вернувшихся эмигрантов, был женат вторым браком на весело пожившей в Константинополе и Берлине балерине Л. Е. Белозерской, его служившие в Белой армии братья Николай и Иван очутились в Париже, а сам Михаил Афанасьевич много печатался в эмигрантских изданиях и ставил в русских зарубежных театрах (среди них был и пражский МХАТ) свои лучшие пьесы. «Белая гвардия» отдельной книгой впервые вышла в Париже, а поставленный по мотивам романа берлинский спектакль посетил сам его колоритный персонаж, ясновельможный гетман П. П. Скоропадский и сделал, кстати, несколько очень дельных замечаний...

5

Второе действие пьесы «Бег» – «Сон второй» начинается с описания зала «на неизвестной и большой станции на севере Крыма»:

«На заднем плане зала необычных размеров окна. За ними чувствуется чёрная ночь с голубыми электрическими лунами.

Случился зверский, непонятный в начале ноября месяца в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеиные огненные отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные чёрные печки, горят керосиновые и электрические лампы на столах.

В глубине, над выходом на главный перрон, под верхней лампой, надпись по старой орфографии «Отделение опьративное».

Стеклянная перегородка, в ней зелёная лампа казённого типа и два зелёных, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом со стеклянною перегородкою на тёмном облупленном фоне белый юноша на коне копьём поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот – Георгий Победоносец, и перед ним горит гранёная разноцветная лампада.

Зал занят офицерами генерального штаба. Большинство из них в башлыках и наушниках...

Бесчисленны полевые телефоны, штабные карты с флажками, пишущие машины в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют нежными голосами.

Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы разобрать беспокойный налёт в глазах у всех этих людей. И ещё одно – страх и надежду можно увидеть в этих глазах, когда они обращаются в то место, где некогда был буфет первого класса».

Именно здесь и появляется самый главный герой Михаила Булгакова:

«Там, отделённый от всех высоким буфетным шкафом, за конторкою, на высоком табурете, сидит Роман Валерианович Хлудов».

Как великий художник, Михаил Афанасьевич не жалеет для него всей палитры имеющихся красок:

«Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него чёрные, причёсаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актёр, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые.

На нём плохая солдатская шинель, подпоясан он ремнём по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывают шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия.

Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дёргается, любит менять интонации. Задаёт самому себе вопросы и любит на них сам же отвечать. Когда он хочет изобразить улыбку – скалится. Он возбуждает страх. Он болен – Роман Валерианович.

Возле Хлудова, перед столом, на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюблённый в Хлудова есаул Голован».

«Энциклопедия Булгакова» так раскрывает этот образ, созданный писателем:

«Сам С(лащёв) стремится создать в мемуарах образ болезненно раздвоенного человека, пытающегося обрести утраченную веру и испытывающего муки за то, что служит делу, в правоте которого сомневается: «...В моём сознании иногда мелькали мысли о том, что не большинство ли русского народа на стороне большевиков, ведь невозможно, что они

теперь торжествуют благодаря лишь немцам, китайцам и т. п., и не предали ли мы родину союзникам... Это было ужасное время, когда я не мог сказать твёрдо и прямо своим подчинённым, за что я борюсь». Мучимый сомнениями, С(лащёв) подаёт в отставку, получает отказ и вынужден «остаться и продолжать нравственно метаться, не имея права высказать своих сомнений и не зная, на чём остановиться». Но для него «уже не было сомнений, что безыдейная борьба продолжается под командой лиц, не заслуживающих никакого доверия, и, главное, под диктовку иностранцев, т. е. французов, которые теперь вместо немцев желают овладеть отечеством... Кто же мы тогда? На этот вопрос не хотелось отвечать даже самому себе».

Те же муки испытывает булгаковский генерал Хлудов. Он ещё расстреливает и вешает, но по инерции, ибо всё больше задумывается, что любовь народная – не с белыми, а без неё победы в гражданской войне не одержать. Ненависть к союзникам Хлудов вымещает тем, что сжигает «экспортный пушной товар», чтобы «заграничным шлюхам собольих манжет не видать». Главнокомандующего, в котором легко просматривается прототип – Врангель, генерал-вешатель ненавидит, поскольку тот вовлёл его в заведомо обречённую, проигранную борьбу. Хлудов бросает главному в лицо страшное: «Кто бы вешал, вешал бы кто, ваше превосходительство?» Но, в отличие от С(лащёва), который в мемуарах так и не покался ни за одну конкретную свою жертву, Булгаков заставил своего героя свершить последнее преступление – повесить «красноречивого» вестового Крапилина, который потом призраком настигает палача и пробуждает у него совесть. Все попытки С(лащёва) в мемуарах оправдать и приуменьшить свои казни не достигают эффекта (он утверждал, что подписал смертные приговоры только 105 осуждённым, виновным в различных преступлениях, но Булгаков ещё в «Красной короне» заставил главного героя напомнить генералу, скольких тот отправил на смерть «по словесному приказу без номера» – автор рассказа помнил по службе в Белой армии, сколь распространены были такие приказы). Конечно, Булгаков не мог знать эпизода с 25 шомполами из цитированного выше письма Троцкого, хотя поразительно точно показал в «Белой гвардии», что шомпола в качестве универсального средства общения с населением использовали и красные, и белые, и петлюровцы. Однако автор «Бега» не верил в раскаяние С(лащёва), и его Хлудову не удаётся опровергнуть обвинений Крапилина: «... Одними удавками войны не выиграешь!.. Стервятиной питаешься?.. Храбер ты только женщин вешать и слесарей!» Хлудовские оправдания, что он «на Чонгарскую Гать ходил с музыкой» и был дважды ранен (как и С(лащёв)... дважды раненный в гражданской войне, вызывают только крапилинское «да все губернии плюют на твою музыку и на твои раны». Здесь переиначена в народной форме часто повторяющаяся Врангелем и его окружением мысль, что одна губерния (Крым) сорок девять губерний (остальную Россию) победить не может. Смолoduшничавшего после этого страстного обличения вестового Хлудов вешает, но потом Булгаков дарует ему, в отличие от С(лащёва), мучительное и тяжкое, болезненное и нервное, но – раскаянье».

Судя по всему, Булгаков долго работал над образом генерала Слащёва. Яркость и противоречивость его фигуры не давали писателю покоя. С. Гаврилов в «Безумном герое Михаила Булгакова», в противовес упомянутой энциклопедии, достаточно смело предполагает:

«Булгаков несколько раз перечитал мемуары Якова Слащёва и не поверил устойчивым сплетням о том, что талантливый военачальник был алкоголиком, наркоманом и психически больным человеком. Булгаковский Слащёв-Хлудов возвышается над всеми противоречиями своего характера и обнаруживает неожиданно чувствительную натуру. Война для него – тяжёлая работа. Он устал, не может спать, набирает сон по очкам и бредит внутренними монологами: «Что со мною? Душа моя раздвоилась, и слова я слышу мутно, как сквозь воду, в которую погружаюсь, как свинец. Оба, проклятые, висят на моих ногах и тянут меня во мглу, и мгла меня призывает...»

В его монологах, обращенных к тени повешенного вестового Крапилина, удивительным образом сочетаются «высокий штиль» и свойственная Хлудову разговорная лексика: «Пойми, что ты просто попал под колесо, и оно тебя стёрло, и кости твои сломало. И бессмысленно таскаться за мной. Ты слышишь, мой неизменный красноречивый вестовой?»

Из построения такого «речевого потока» драматург создал своеобразный, запоминающийся образ неординарного боевого генерала и человека. Он достаточно мягок, душевен, психологически открыт и... почти романтичен.

Эмоциональный строй речи булгаковского Хлудова перекликается с речью реального Слащёва. В этом отношении примечательны диалоги Хлудова и Белого главнокомандующего. Хотя Булгаков в них не использует прямого цитирования текста слащёвских мемуаров, сам тон этих диалогов почерпнут им, очевидно, именно оттуда.

Слащёв, сохранявший по отношению к Врангелю публичную лояльность, проявил своё истинное отношение к нему на страницах книги. Конфликт Слащёва – Врангеля, спровоцированный в «Беге» на Хлудова и главнокомандующего, подан Булгаковым так, как объясняет его сам Слащёв. Драматург правильно почувствовал реальную ситуацию в Крыму. Он не поверил Врангелю, ослабившему Слащёва как сумасшедшего. Автор пьесы понял, что это был «маневр» Врангеля, который спасал союз с Антантой и принёс в жертву этому союзу популярного в армии генерала. Зато Булгаков проницательно поверил «сумасшедшему» Слащёву.

Доктор в прошлом и писатель в настоящем поставил свой нравственный диагноз опальному полководцу. Драматург создал портрет крупного военачальника и настоящего патриота-идеалиста».

6

В заключительной части отзыва на пьесу «Бег» (политическое значение пьесы), а фактически в доносе, видного большевика П. М. Керженцева (выступающего в роли министра культуры тех лет), написанного в Политбюро ЦК ВКП(б) до 6 января 1929 года, говорилось:

«1. Булгаков, описывая центральный этап белогвардейского движения, искажает классовую сущность белогвардейщины и весь смысл гражданской войны. Борьба добровольческой армии с большевиками изображается как рыцарский подвиг доблестных генералов и офицеров, причём совсем обходит социальные корни белогвардейщины и её классовые лозунги.

2. Пьеса ставит своей задачей реабилитировать и возвеличить художественными приёмами и методами театра вождей и участников белого движения и вызвать к ним симпатии и сострадание зрителей. Булгаков не даёт материала для понимания наших классовых врагов, а, напротив, затушёвывал их классовую сущность, стремился вызвать искренние симпатии зрителя к героям пьесы.

3. В связи с этой задачей автор изображает красных дикими зверями и не жалеет самых ярких красок для восхваления Врангеля и др. генералов. Все вожди белого движения даны как большие герои, талантливые стратеги, благородные, смелые люди, способные к самопожертвованию, подвигу и пр.

4. Постановка «Бега» в театре, где уже идут «Дни Турбинных» (и одновременно с однотипным «Багровым островом»), означает укрепление в Худож. Театре той группы, которая борется против революционного репертуара, и сдачу позиций, завоёванных театром постановкой «Бронепоезда» (и, вероятно, «Блокадой»). Для всей театральной политики это было бы шагом назад и поводом к отрыву одного из сильных наших театров от рабочего зрителя. Как известно, профсоюзы отказались покупать спектакли «Багровые острова», как пьесы, чуждой пролетариату. Постановка «Бега» создала бы такой же разрыв с рабочим зрителем и у Художественного театра. Такая изоляция лучших театров от рабочего зрителя политически крайне вредна и срывает всю нашу театральную линию. Художественный совет Главрепеткома (в составе нескольких десятков человек) единодушно высказался против этой пьесы. Необходимо воспретить пьесу «Бег» к постановке и предложить театру прекратить всякую предварительную работу над ней (беседа, чистка, изучение ролей и пр.)».

К слову сказать, 29 января 1929 года комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) в составе товарищей Ворошилова, Кагановича и Смирнова, ознакомившись с содержанием пьесы Булгакова «Бег», признала постановку этой пьесы в театре нецелесообразной. На следующий день все члены Политбюро ЦК ВКП(б) проголосовали за это решение.

Примечательно, что сам Иосиф Сталин в своих выступлениях соглашался: «Дни Турбиных» — «антисоветская штука, и Булгаков не наш». Хотя сама пьеса ему понравилась, её постановка была разрешена на год, а позже ещё неоднократно продлевалась. С «Бегом» же произошло всё гораздо трагичнее. Как пишет В. И. Сахаров, судьба этой пьесы стала «первым звонком», предвестием крушения всей театральной судьбы Михаила Булгакова:

«Именно здесь началась путаница, странные совпадения, роковые случайности, неясные предчувствия, надежды, сменяющиеся отчаянием, следующим образом описанные в послании к уже готовившемуся к отъезду в Париж Е. И. Замятину 27 сентября 1928 года: «Вообще упражнения в области изящной словесности, по-видимому, закончились. Человек — разрушен... Что касается этого разрешения, то не знаю, что сказать. Написан «Бег». Представлен. А разрешён «Багровый остров». — Мистика. — Кто? Что? Почему? Зачем? — Густейший туман окутывает мозги»».

«В советской России такая пьеса была не нужна. Но и в Париже, где происходило одно из действий пьесы, «Бегу» как-то не обрадовались, когда пьеса была, наконец, опубликована. Ибо в ней показано, что распалась великая цепь времён и одним концом ударила по утраченной своих лучших сынов и дочерей и огромные духовные и материальные сокровища России, другим по обречённой на вечный «мёртвый бег» (пророческое название вышедшего в 1922 году в Берлине романа Глеба Алексеева) эмиграции. Здесь крылся прозорливый исторический упрёк, и все умные читатели «Бега» это поняли, начиная со Сталина, Горького и Станиславского.

Борьба вокруг «Бега» снова велась на уровне Политбюро, где Сталин вычеркнул из подготовленного Ворошиловым проекта решения слово «политически» («политически нецелесообразным») и тем самым отменил неизбежные репрессии. Вмешательство великого пролетарского писателя также ничего не дало, о чём сказано в очередной агентурно-осведомительной сводке ОГПУ: «Горький поддерживал пьесу в «сферах», кто-то (Сталин, Орджоникидзе) сказал Ворошилову: «Поговори, чтобы не запрещали, раз Горький хвалит, пьеса хороша», но эти слова, по мнению Булгакова, не более чем любезность по отношению к Горькому».

Л. Е. Белозерская так охарактеризует потрясение Михаила Булгакова в связи с гибелью пьесы «Бег»:

«Ужасен был удар, когда её запретили. Как будто в доме появился покойник...»

Не пройдёт и десятилетия, как состояние здоровья великого писателя станет резко ухудшаться. Врачи диагностируют у него гипертонический нефросклероз. Но Михаил Афанасьевич продолжал употреблять морфий, прописанный ему ещё в 1924 году, с целью снятия болевых симптомов. А 10 марта 1940 года наступит смерть, так и не давшая Булгакову дожить до своего 50-летнего юбилея.

Глава третья

Прощание с юностью. академия

1

– Надо считать под маневром и маневр людской, и маневр огневой, – обращаясь к слушателям, говорил Яков Александрович. – Я особенно подчёркивал принцип частной победы потому, что у каждого командира на войне является соблазн и стремление всюду заслонить себя «забором».

Посмотрим просто – охранение – надо охраняться, никто против этого не спорит, но... как его выставить, когда в жизни (постоянно) фронт не будет соответствовать уставным формам. Что же делать?

У слабовольного лица явится естественный ответ – загородиться всюду и этим вызвать сверхмерный наряд – ведь если прорвёт противник, отдадут под суд, а за то, что разложил свою часть чрезмерными нарядами, поди-ка доказывай. Такой начальник был всюду силен и потому окажется слабым.

Другой случай, надо ждать атаки противника или его атаковать. Является мысль и здесь прорвать, и здесь сделать контратаку – всюду надо быть начеку. Слабовольный всё учтёт и всюду растянёт свои войска (в моей практике было даже, что один комполка вытянул цепи и по ложине) – результат поражение. Из всего этого выведем одно: сильным всюду быть нельзя – надо иметь ум и знания оценить обстановку и сосредоточить силы там, где диктует обстановка, и силу воли, чтобы провести это в жизнь. Умнейший командир без воли годится только для разработки плана, но ни в коем случае не для проведения его в жизнь. Всё в бою и в результате его победы определяется тем, – были ли мы в данный момент сильнее противника или нет, смогли ли мы его подавить нравственно и физически, или он нас подавил, а всё это делается материальной силою того оружия, той машиной, которая в данное время боя имеется в руках человека, желающего драться. В данной точке боя сильнейший ломит слабейшего и этим диктует свою волю (если эта точка важна) всему фронту боя.

Машинизированность частей в данное время позволяет маневрировать не только людской силой, но и огнём и позволяет рассредотачивать огневые машины по фронту, сосредотачивая огонь там, где нужно. У командира явилась новая возможность – двигаться и сосредотачиваться в одном месте, а стрелять из разных, около лежащих мест. На эту возможность и надо обратить сугубое внимание.

В настоящее время, благодаря силе и количеству огня всех видов, трудно представить себе, за редким исключением, массовую, общую атаку, при которой все бойцы одновременно встают и во главе со своими командирами бросаются вперёд и занимают позиции противника. Такая атака, дававшая успех при сплочённых фронтах, теперь при групповом строю в подавляющем большинстве случаев приведёт только к большим потерям. Он будет возможен только при особенно благоприятных условиях, т. е. когда противник настолько разложен, что не в состоянии выдержать зрелища идущих на него частей и покидает позицию от одного этого зрелища, не пробуя защитить себя огнём.

Теперешний бой пройдёт под знаменем борьбы за огневое превосходство, и дело каждого командира уметь маневрировать не только своими людьми, но в особенности своим огнём. Надо помнить, что на войне почти невозможно быть сильнее противника всюду – это положение является исключением, надо быть сильнее противника там, где нам нужно, и там, где ему будет больно.

Сильнее надо быть не числом кулаков, которыми сейчас драться смешно, а именно огнём, который всегда подготавливает победу, а очень часто и решает всю участь боя.

На маневр этим огнём, в связи с маневрами частей и следует обратить внимание – это будет служить залогом победы.

Всем я думаю ясно, что в бою участвуем не только мы, но и противник, который выявляет свою волю полностью, и рецепта для победы поэтому дать нельзя, но указать те основные принципы, которые, доведённые до конца, способствуют победе, – можно. Этим основным принципом и будет превосходство сил в важном месте.

Превосходство сил, повторяю, нужно понимать в широком смысле этого слова, т. е. людей с их готовностью драться и имеющими машинами боя. Это превосходство в силах, как уже было указано выше, достигается исключительно маневром. Если крупные соединения, задумав нанести или парировать удар, будут маневрировать стратегически, т. е. задолго до боя и из далёких мест сосредотачивать свои силы, то мелкие соединения, в виде взвода, роты и батальона, а часто и полка, будут маневрировать непосредственно тут же на поле сражения, часто на виду у противника. Сосредотачивая превосходство сил там, где им нужно. Я выше уже указывал, что теперь трудно представить валовую атаку всеми частями сразу. Теперь надо сгибать, как нормальное явление, постепенное занятие позиции противника путём отгрызания того или другого окопа, произойдёт так называемое вгрызание в позицию противника, и это выражение наиболее точно и метко.

Слащёв читал лекции превосходно, интересно, живо и поучительно. Ведь он говорил о том, что знал. Опыт у него был громадный. А ещё были превосходные знания, полученные в военно-учебных заведениях той самой дореволюционной России.

2

Дед Слащёва – Яков Иванович (1808–1875) – был потомственным дворянином и отставным подполковником. Известно, что с 1865 г. он владел собственными домами на Большом проспекте и Багговутовской улице в Гатчине.

Отец Слащёва – Александр Яковлевич (1847–1902) – был гвардии полковником и соответственно потомственным дворянином. Оба они были похоронены на Новом гатчинском кладбище. Их надгробные памятники представляют исторический интерес.

Мать – Вера Александровна Слащёва – была женщиной «властной и решительной». Именно так вспоминала «мадам Слащёву» вторая жена Михаила Булгакова Л. Е. Белозерская, которая встретила её в Петрограде. Но в этой женской властности и решительности нет ничего удивительного. Подлинные жёны генералов и полковников становятся именно такими благодаря не только чертам характера, но и тем особенностям жизни, в которой им приходится вращаться. В данном случае сказываются и почтенные чины их мужей.

Яков Александрович родился 29 декабря 1885 года (по новому стилю) в Петербурге.

Свое первое официальное образование Яков получил в Санкт-Петербургском реальном училище Гуревича. Чтобы было понятно, о чём идёт речь, обратимся к истории. В России прототипом реальных училищ стали в 1839 г. реальные классы для «временного преподавания технических наук». В ноябре 1864 г. было утверждено положение о реальных гимназиях, которые были заменены на реальные училища в 1872 г. Курс обучения длился шесть-семь лет. В уставе этих учебных заведений было записано:

«Училища имеют целью общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний». В старших классах преподавались исключительно прикладные дисциплины. Выпускники таких училищ могли поступить в технические, промышленные и торговые высшие учебные заведения, но не в университеты.

В 1888 г. реальные училища были реформированы в общеобразовательные заведения, выпускники которых уже могли поступить в университеты на физико-математический и медицинский факультеты.

Если говорить конкретно о реальном училище Гуревича, то с 1883 г. Яков Григорьевич Гуревич состоял директором собственного учебного заведения, «Гимназии и реального училища Гуревича», со всеми правами правительственных учебных заведений. Любопытна и биография российского историка и известного педагога Я. Г. Гуревича (1843–1906). Он окончил курс историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В 80-е годы был приват-доцентом всеобщей истории в этом же престижном учебном заведении. Кроме того, читал лекции на высших женских курсах, основал своё собственное учебное заведение, издавал ежемесячный педагогический журнал «Русская школа» (с 1890 г.). Был деятельным членом литературного фонда, где много лет состоял казначеем, а также комитета грамотности, исторического общества и целого ряда благотворительных учреждений. Написал: «Происхождение войны за Испанское наследство и коммерческие интересы Англии» (СПб., 1885) и «Историю Греции и Рима» (выдержала 4 изд.); составил вместе с В. Павловичем «Историческую хрестоматию по русской истории», ч. I–III (3 изд.) и «Историческую хрестоматию по новой и новейшей истории», ч. I и II (3 изд.).

3

Как потомственный дворянин, а тем более сын и внук офицеров, Яков Слащёв был обязан послужить своему Отечеству. И это несмотря на полученное им образование в реальном училище. Всё дело в том, что «не служить офицером хотя бы какое-то время для дворянина считалось неприличным ещё и в первой половине XIX в., спустя 80–90 лет после указа о вольности дворянства, и почти все помещики (в т. ч. богатые и не нуждавшиеся в дополнительном источнике существования в виде офицерского жалованья) некоторое время служили офицерами «из чести», – пишет известный историк СВ. Волков. – При этом служба в гвардии и в некоторых кавалерийских полках требовала гораздо больше расходов, чем составляло офицерское жалованье, и дворяне служили фактически за счёт своих собственных доходов от имения. Как писал один из известных дворянских публицистов второй половины XIX в., «никогда не следует забывать, что не только деды, но и отцы и дяди наши – все сплошь почти были армейские и гвардейские поручики и штаб-ротмистры»».

Можно лишь предположить, что первоначально Якову Слащёву хотели дать хорошее университетское образование. Потому что в противном случае его бы отдали в кадетский корпус. Однако сам будущий белый генерал стремился именно на военную службу, что в конечном итоге и сыграло свою главную роль.

31 августа 1903 года Яков Слащёв вступил в службу юнкером рядового звания Павловского военного училища.

1-е Павловское военное училище было создано в 1863 году по указу императора Александра II (13 августа 1894 года во время очередной реформы военно-учебных заведений 1-е Павловское военное училище было переименовано в ПАВЛОВСКОЕ военное училище). Обучение было двухгодичным. В период пребывания в нём Слащёва штат 4-ротного батальона насчитывал 400 юнкеров.

В училище принимались лица, окончившие кадетские корпуса, а на свободные вакансии молодые люди не моложе 17 лет, удовлетворяющие условиям поступления в корпуса и имеющие аттестат о знании полного курса кадетских корпусов или других средних учебных заведений. Юнкерам Павловского училища были присвоены алые (красные) погоны без выпушки с жёлтым вензелем Павла I «П I».

В Павловском училище преподавали следующие дисциплины: тактику, военную историю, артиллерию, фортификацию, военную топографию, законоведение, военную администрацию, Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, механику и химию.

Павловское военное училище считалось в Русской армии лучшим строевым, славилось железной дисциплиной, юнкера получали прекрасную военную подготовку, а получать плохие оценки считалось неприличным. Например, в 1912 году 198 выпускников училища были распределены: 23 в Гвардию, 149 в пехоту, 9 в артиллерию, 14 в инженерные части, 1 в железнодорожные части, 1 в казачьи части, 1 в казачью артиллерию. Окончившие полный курс училища делились на три разряда:

1-й разряд – имевшие в среднем не менее 8 баллов и в звании строевой службы не менее 10 выпускались в части армейской пехоты подпоручиками с одним годом старшинства; из них лучшие – с прикомандированием к гвардии;

2-й разряд – имевшие в среднем не менее 7 баллов и в звании строевой службы не менее 9 – выпускались в части армейской пехоты без старшинства;

3-й разряд – не удовлетворявшие условиям 2-го разряда – переводились в части армейской пехоты унтер-офицерами с правом производства в подпоручики не ранее чем через пять месяцев.

Признанные негодными к военной службе выпускались с присвоением гражданских чинов XII класса (1 разряда) или XIV класса (2 и 3 разряда). Окончившие курс были обязаны прослужить полтора года за каждый год пребывания в училище.

Известно, что за 50 лет существования училище подготовило 7730 офицеров, 52 выпускника стали кавалерами ордена Святого Георгия, 124 выпускника погибли на полях сражений. К 1913 году Ул состава наличных офицеров Генерального штаба состояла из бывших «Павловцев».

Многие известные русские офицеры и генералы учились в этом прославленном учебном заведении. Некоторые из них оставили свои воспоминания. Например, А. И. Спиридович в «Записках жандарма» так описывает свои первые впечатления об училище:

«Павловское военное училище помещалось в Петербурге в огромном здании на Большой Спасской улице на Петербургской стороне. Курс училища был двухгодичный. Атмосфера серьёзности, деловитости, военщины в лучшем смысле слова, охватывала входившего в училище. Там всё было построено на мысли: выработать в течение двух лет из бывшего кадета образованного хорошего пехотного офицера. Отсюда вытекал и весь режим училища с его системой обучения и воспитания. С первого же дня бывших кадет выстраивали на плацу и начинали беспощадно гонять маршировкой под оркестр музыки неимоверно большим и скорым шагом. Мы изнемогали от непривычки, особенно малые ростом, но на это не обращали внимания. Тогда же учили отдаванию чести. То была первая муштровка, посредством которой новым юнкерам сразу придавали военную выправку и молодцеватый вид, что не трудно было сделать с кадетами и без чего училище не выпускало в город своих юнкеров. Нас разбили на роты, причём и ещё два аракчеевца попали в первую роту, которая называлась ротой её величества. Через несколько дней нас привели к присяге. На плацу построилось училище с хором музыки...»

«Военное обучение и образование были поставлены в училище образцово... В результате мы увлеклись военным делом со всем пылом молодости. Мы старались довести строй, ружейные приёмы и гимнастику до щегольства. Многие перед сном проделывали ружейные приёмы и гимнастические упражнения перед громадными зеркалами, и это считалось вполне нормальным. Знание воинских уставов назубок считалось шиком и доходило даже до ненужных подробностей. Так, например, некоторые знали, какой вес по закону должна иметь офицерская перчатка или офицерский нейзильберовый свисток. Быть по одежде, по выправке в строю лучше других училищ, быть по стрельбе «выше отличного», ходить быстрее стрелков – считалось идеалом. Параллельно шло ознакомление со всеми новыми военными течениями по литературе; юнкера увлекались модными и очень популярными тогда книжками Бутовского. Его «Воспитание и обучение современного солдата» было настольной книжкой многих юнкеров старшего курса; его «Наши солдаты» – читалась всеми. По ним знакомились мы с психологией будущих подчинённых, мы старательно готовились быть хорошими офицерами. Примеры блестящих строевых офицеров были у нас перед глазами – это наши училищные офицеры».

К сожалению, Яков Александрович Слащёв ничего не успел написать про свои юнкерские годы. Но благодаря другим известным выпускникам мы вполне можем представить себе ту атмосферу, в которой готовился стать русским офицером будущий георгиевский кавалер и белый генерал.

Генерал А. С. Лукомский в мемуарах откровенно признавался, что отправился в Павловское училище с большим неудовольствием и некоторым опасением.

«Чувство же опасения вызывалось слухами о чрезвычайной строгости и «подтяжке», которые царили в Павловском училище. Судя по рассказам, это училище представлялось мне каким-то дисциплинарным батальоном. (...)

Первые две-три недели я чувствовал себя плохо, боясь за каждый свой шаг и опасаясь суровых возмездий за каждую ошибку. Но приглядевшись, я увидел, что страшного ничего нет. Чувствовалась строгость, но требования были все разумные и отношения со стороны начальства были ровные и очень хорошие.

Жизнь потекла ровно и спокойно, хотя всё время чувствовалось, что надо быть подтянутым. Я с глубокой благодарностью вспоминаю Павловское военное училище.

Дисциплина была строгая, но грубости совершенно не ощущалось. Нас приучали к порядку, к долгу и сумели внушить любовь и уважение к Царю и Родине.

Военная практическая подготовка была поставлена хорошо, и Павловское военное училище выпускало в армию знающих и дисциплинированных офицеров. Недором армия любила получать в свои ряды «павлонов». Науками нас не изнурили, но то, что преподавалось, хорошо усваивалось.

Вспоминая училищное время, могу отметить только один недостаток: не было обращено должного внимания, чтобы нас сделать грамотными, а в этом была большая потребность, ибо многие из нас после кадетских корпусов были малограмотные, а некоторые и совсем неграмотные».

Как раз-таки юнкеру Слащёву в этом плане повезло больше всех. Он получил до училища превосходное образование, на базе которого ему было гораздо легче учиться военному делу, нежели бывшим кадетам.

Генерал П. Н. Краснов, также выпускник Павловского военного училища, в эмиграции посвятил ему целую книгу под названием «Павлоны. 1-е Военное Павловское училище полвека назад»:

«В Императорской России было много военных училищ, как общих, так и специальных – кавалерийских, артиллерийских и инженерных. В них поступали юноши, преимущественно окончившие курс кадетских корпусов. Поступала молодёжь одного образования, одного воспитания, в значительной степени вышедшая из той же военной среды – казалось бы, и училища должны были быть одинаковыми... На деле каждое имело свой характер, свои особенности – свою душу. И если понятно, что специальные училища могли отличаться от училищ общих – пехотных, – то уже совсем непонятно, почему 1-е Павловское, 2-е Константиновское и 3-е Александровское училища так различались друг от друга? Каждое имело свою душу – и одинаковые по своим программам, быту, офицерскому и преподавательскому составу – они были разными. Я это чувствовал тогда, когда сам был юнкером, но особенно почувствовал, когда, приводя в порядок свои воспоминания о Павловском военном училище, перечитал «Юнкера» А. И. Куприна. Мы были юнкерами в одно и то же время: – я в 1-м Военном Павловском Училище, А. И. Куприн в 3-м Военном Александровском – всё у нас было так, как описано у Куприна – так – да не так, а временами и совсем не так. Другой дух был у Павловского училища. Над одним училищем реял дух сурового Императора Павла I, над другим благожелательного, добродушного, «либерального» Александра I. Конечно, сказывалось: – Петербург – холодный, замкнутый, строгий, военный, – и Москва – широкая, гостеприимная, радушная, приветливая – интеллигентно-купеческая. Не походили мы и на своих однополчан «Констапёров», юнкеров 2-го Военного Константиновского Училища. Там царил дух Дворянского полка, более вольный, чем у нас, где была суровая замкнутость Императорского Военно-Сиротского Дома, основанного в 1879-м году Императором Павлом I, переименованного при Императоре Николае I, в 1829-м году, в Павловский кадетский корпус и в 1863-м году в Павловское военное училище. Сказалось, несомненно, на дух училища влияние первых его начальников и батальонных командиров. (...) Дисциплина была твёрдая и суровая. Она перемалывала человека, сгибала, но не ломала».

Вне всяких сомнений, выпуск из училища, описанный Красновым в книге, был точно таким же и у Слащёва:

«Громко и отчётливо сказал нам Государь. Каждое его слово запоминалось нами на всю нашу военную службу:

– Поздравляю вас, господа, офицерами! Служите России и Мне, как служили ваши отцы и деды. Заботьтесь о солдате и любите его! Будьте ему как старшие братья! Будьте хорошими наставниками. Учите солдат добру, смелости и воинскому искусству. Кому доведётся служить на далёкой глухой окраине – не скучайте, не тоскуйте, помните, что все охраняете Российскую Империю. На вас, юнкера Павловского училища, я всегда надеюсь и верю, что, как были вы прекрасными юнкерами, так будете и образцовыми офицерами моей славной Армии...

Мы закричали «ура». Под восторженные наши крики Государь, сопровождаемый свитой, заслонившей нас от него, прошёл к Константиновскому училищу. Флигель-адъютанты передавали каждому из нас Высочайшие приказы о производстве в офицеры.

Это были толстые тетради сероватой казённой бумаги. Наверху крупными, какими-то казёнными буквами было напечатано:

Высочайший приказ.

По военному ведомству...»

А вот и сцена прощания с училищем:

«У нас в училище не было принято прощаться с офицерами, устраивать прощальные обеды в ресторане. Мы всегда далеко стояли от них... Нижние чины... Мы и они понимали – дальние проводы – лишние слёзы... Мы к ним не заходили. Всё, что нужно было нам сказать, было сказано за два года училищной жизни – торжественные, ресторанные обеды с возлияниями и по большей части неискренними льстивыми речами были совсем не в духе училища.

Я вышел на подъезд, первый раз взял извозчика и поехал. Отъехав, я оглянулся.

Румяное солнце спускалось к заливу. Длинное белое здание было залито жёлтым светом. Ярko блистали золотые буквы на синей вывеске: «1-е Военное Павловское Училище». Защемило сердце. А радость с тем всё шире и шире наплывала на сердце, и всё его заливало ярким блистанием свободы...

Но, как сказал поэт, в этой радости так грусти много.

Она была, как этот предзакатный вечерний свет, заливавший белые стены училища, – неяркая и тихая.

Чистая юность, прощай! Здравствуй, жизнь!...»

Яков Александрович Слащёв Высочайшим приказом от 22 апреля 1905 года был произведён в чин подпоручика и выпущен в лейб-гвардии Финляндский полк.

Нетрудно догадаться, что подпоручик Слащёв окончил училище по первому разряду, иначе в Гвардию он бы не попал...

Лейб-гвардии Финляндский полк квартировал на косой линии Васильевского острова, а на большом проспекте Васильевского острова располагались полковая церковь и полковой госпиталь. Казармы были построены ещё в первой четверти XVIII века.

Из истории полка можно узнать, что он был сформирован в декабре 1806 г. в Стрельне из крестьян окрестных вотчин как батальон милиции. В 1811 г. его переформировали в полк, который принял участие почти во всех войнах России XIX века.

Из воспоминаний очевидцев известно, что когда Слащёв прибыл в полк, то совершенно не выпивал, избегал весёлых офицерских компаний, предпочитая им иные занятия. А ещё молодой подпоручик очень любил сладкое, за что сразу же получил прозвище «красная девица». Тем не менее «положение офицеров лейб-гвардии Финляндского полка среди прочих офицеров гвардии издавна отмечалось особенною их сплочённостью между собою, духом единения и скромностью! – писал историк полка Е. Гулевич. – В полковой офицерской среде, годами последовательного отбора вступивших в неё офицеров и под постоянным

влиянием полковой солидарности, выработался особенный характерный тип строго выдержанного, серьёзного, настойчивого, требовательного и к службе и к другим офицерам. Отношение Финляндских офицеров к службе было всегда серьёзное и ретивое. Между собой же, в товарищеской среде, офицеры полка держались всегда замечательно дружно, а при возникновении неизбежных подчас столкновений вызывали удивительное единство мнений – отличительную черту общества офицеров лейб-гвардии Финляндского полка».

В полку Слащёв прослужил всего три года и ещё в чине подпоручика поступил в Академию Генерального штаба. Объяснение тут может быть только одно. Высшее военное образование давало молодому офицеру возможность расти в должностях и званиях, чтобы в конечном итоге стать генералом. По мере карьерного роста офицера росло и его материальное благополучие. Не стоит забывать и про получаемые в академии знания. В любом случае они были соответствующими рангу этого высшего военно-учебного заведения. Словом, в Николаевскую академию рвались многие офицеры, чтобы в корне изменить свою скучную гарнизонную жизнь. Однако поступали туда единицы.

«Продолжительность службы офицеров в полку в среднем была весьма невелика и едва достигала 8–10 лет, – свидетельствовал Е. Гулевич. – Такой краткий срок пребывания офицеров в полку объясняется уходом большинства из них из полка ещё в молодых чинах. Причинами этого были: необходимость оставления строя офицерами, получившими раны, контузии и всякого рода болезни после кампаний, инертность службы в строю и её малая обеспеченность. В 1865 г. один из начальников гвардейских дивизий, в отчёте о полках своей дивизии, доносил следующее:

«Ограниченное содержание офицеров лишает полки наилучших из их среды переводящихся в другие отрасли военной службы и другие ведомства, обставленные лучшими материальными средствами». Таким образом, вышеуказанные причины заставляли офицеров уклоняться от их прямого служебного пути, нормальное происхождение которого за время столетнего существования полка было весьма различно. В начале этого периода субалтерн-офицеры получали роты на 5, 6 и 7-м году службы, в полковники производились на 11 и 12-м году службы. Затем эти сроки постепенно увеличивались, дошли до того, что за последнее время роты стали получаться офицерами по прослужении 13 и 14 лет, производство в полковники оттянулось на 22–23-й год службы, получение же полков отодвинулось до 27-го даже 29-го года службы».

4

«В России нет высшего учебного заведения, которое было бы поставлено в такие исключительно благоприятные условия в смысле предварительной подготовки слушателей, обстановки преподавания и материальных средств, как академия генерального штаба, – рассказывал в одной из своих статей генерал-майор Генерального штаба Е. И. Мартынов. – Огромные служебные преимущества, которыми пользуются офицеры этой корпорации не только в армии, но и в других сферах государственной службы, вызывают большой наплыв желающих поступить в академию. За исключением малого числа офицеров с образованием юнкерского училища огромное большинство поступающих прошло курс средней школы и затем военного училища, а некоторые офицеры имеют дипломы высших учебных заведений, военных и гражданских. Вся эта масса, обыкновенно раза в три превосходящая число имеющихся в академии вакансий, независимо от полученного ею образования, подвергается конкурсному экзамену из полного курса кадетского корпуса и военного училища.

Таким образом, для поступления в академию офицер уже в зрелом возрасте, снова и основательно, проходит весь среднеобразовательный курс.

Благодаря подобному порядку академия получает контингент слушателей с такой серьёзной подготовкой, которой далеко не имеют студенты наших университетов. Офицер генерального штаба, пишущий с ошибками, не умеющий связно выражать своих мыслей, не знающий географии и т. п., невозможен, между тем как, по авторитетному свидетельству статс-секретаря Муравьёва и председателей всех судебных учреждений империи, лица, окончившие наши юридические факультеты, даже после пятилетних практических занятий при судах зачастую отличаются широкою безграмотностью во всех смыслах этого слова».

Антон Иванович Деникин про поступление в академию писал следующее:

«Мытарства готовящихся в Академию начинались с экзаменов при окружных штабах. Просеивание этих контингентов выражалось такими приблизительными цифрами: держало экзамен при округах 1500 офицеров; в Академию на экзамены являлось 400–550; поступало 140–150; на дополнительный курс (3-й) переходило 100; причислялось к Генеральному штабу 50. То есть, другими словами, от отсеивания оставалось всего 3,3 %.

В старые годы, сообразно с со словно-кастовым составом офицерского корпуса, и в Академию шли по преимуществу дворяне по происхождению и кадеты – по среднему образованию. Прочие составляли единицы. Начавшаяся после милютинских реформ демократизация офицерского состава далеко не сразу отразилась на академических выпусках. Только с 90-х годов соотношение в сословно-образовательном цензе стало меняться быстрее и резче, выражаясь для последних двух нормальных академических приёмов и выпуска следующими цифрами: в 1912 г., из числа державших экзамен в Академию, окончивших кадетские корпуса было 30 % и гражданские учебные заведения – 70 %. В 1913 г. первых было 26 % и вторых – 74 %. В оба года приёма – число вышедших из юнкерских училищ превышало число окончивших военные училища.

Выпуск из Академии в 1913 г. дал 89 офицеров. Из них кадетов было 38,2 %, окончивших гражданские учеб. зав. – 61,8 %; по военному образованию – окончивших военные училища – 60,7 %, а юнкерские – 39,3; по родам оружия: пехотинцев 56,2 %, артиллеристов 18 %, кавалеристов 13,5 % и инженерных войск 12,3 %. В общем числе – армейцев 80,9 % и гвардейцев 19,1 %. Потомственных дворян было уже только 48 %».

При этом чуть ниже Деникин добавляет:

«В Академию разрешалось поступать по истечении трёх лет офицерской службы, и это было для большинства нормальным сроком. Шли, конечно, более честолобивые или любопытные, имевшие благие намерения и достаточную волю, чтобы побороть инерцию

армейской жизни, не слишком располагавшей к серьёзному самообразованию. При таком естественном отборе тем более странным и неожиданным для общества явилось откровение Главного управления Ген. штаба, опубликованное в 1907 г. и вызванное тревогой за судьбы высшей военной школы, ввиду того, что «с каждым годом уровень умственного развития аспирантов постепенно и неуклонно понижается...» Отзыв об офицерах, державших экзамен в Академию, составленный на основании письменных работ их, был поистине удручающий:

«1) Очень слабая грамотность, грубые орфографические ошибки.

2) Слабое общее развитие. Плохой стиль. Отсутствие ясности мышления и недисциплинированность ума.

3) Крайне слабые знания в области истории, географии. Недостаточное литературное образование. Совершенно детская оценка исторических событий.

4) Крайне слабое общее развитие и низкий уровень общего образования. Не знали: что такое власть исполнительная и что – законодательная; какая разница между однопалатным и двухпалатным парламентом и т. д.».

Недочёты эти свидетельствовали, конечно, о серьёзном кризисе, который переживала в девяностых и девятисотых годах вся русская средняя школа, и отнюдь не могут быть поставлены в особливую вину ни военному обществу, ни военному ведомству».

С 1901 года Академия Генерального штаба размещалась на Суворовском проспекте, в доме № 32. Основана она была в 1832 году в Санкт-Петербурге, по проекту генерала-адъютанта барона Жomini – «для образования офицеров к службе Генерального штаба» и «для вящего распространения знаний в армии».

В академию могли поступать офицеры не моложе 18 лет и в чинах не старше капитана армии и штабс-капитана гвардии, артиллерии и сапёров. Офицеры, проходившие военную службу вне Петербурга, сначала держали предварительный экзамен при корпусных штабах. «В академии желающие поступить в теоретический класс держали вступительный экзамен; те, кто желал поступить сразу в практический класс, – и вступительный, и переходной; а желающие приобрести права окончивших курс – ещё и выпускной. По окончании курса офицеры прикомандировывались на 1 год к образцовым частям для ознакомления со службой. Выпуск производился в октябре. Окончившие по 1-му разряду получали следующий чин, по 2-му – выпускались тем же чином, а по 3-му – возвращались в свои же части и в Генеральный штаб не переводились. Армейские офицеры переводились в Генеральный штаб с тем же чином, артиллеристы, инженеры и гвардейцы – с повышением (гвардейцы ещё со старшинством в последнем чине). В 1850–1855 гг. академия выпускала ежегодно в среднем 23 человека. В 1855 г. она стала называться Николаевской академией Генерального штаба. С 1909 года – Императорская Николаевская военная академия.

Организация академии была существенно изменена в 1862, 1888 и 1893 годах. В 1862 г. было установлено, что с 1863 г. для поступления в академию (кроме геодезического отделения) надо прослужить 4 года (исключая время службы на нестроевых должностях). Из окончивших в Генеральный штаб зачислялись только на вакансии, а остальные возвращались в части, причём окончившие по 1-му разряду – со следующим чином (но не выше капитана Генерального штаба или равного ему майора армии). В 1863 г. и на геодезическое отделение принимали после 2 лет строевой службы. Но уже в 1868 г. из 4 лет можно было иметь только 2 года строевой службы для всех поступающих. При этом приём (ранее не ограниченный) был установлен в 50 человек (геодезическое отделение – 19 человек за два года). В 1869 г. для окончивших по 1–2-му разрядам был введён дополнительный 6-месячный курс.

На общем отделении академии главными предметами были тактика, стратегия, военная история, военная администрация, военная статистика, геодезия с картографией, съёмкой с черчением, а вспомогательными – русский язык, сведения по артиллерийской и инженер-

ной части, политическая история, международное право и иностранные языки. На геодезическом отделении – теоретическая и практическая астрономия, физическая география, геодезия со съёмкой и черчением, картография и военная статистика; вспомогательными – военная администрация, тактика, русский и иностранные языки.

С 1894 г. квота на число поступающих отменена, но изменились и правила выпуска: было установлено, что основная задача академии – распространение высшего военного образования в армии. В соответствии с этим после 2-го курса офицеры выпускались в войска, а лучшие поступали на дополнительный курс, и лишь окончившие его причислялись к Генеральному штабу. Выпускники были обязаны прослужить в военном ведомстве 1,5 года за каждый год обучения.

Довольно большое число офицеров по разным причинам отчислялись до окончания курса: за 1881–1900 гг. было отчислено 913 человек. Зато окончившие академию занимали впоследствии высшие командные посты.

По положению (пр. по воен. вед. 1893 г.) Николаевская академия Генерального штаба имела целью:

- а) развитие высшего образования среди офицеров армии и
- б) комплектование корпуса офицеров Генерального штаба.

Кроме двух классов – младшего и старшего – существовал Дополнительный курс, куда переводились лучшие по успехам из офицеров, в числе, соответствующем вакансиям в Генеральном штабе» (Императорская Николаевская военная академия).

Поручик (пр. 06.12.1909 г.; старшинство 22.04.1909 г.) Яков Александрович Слащёв окончил академию в 1911 году. Два класса вместе с дополнительным курсом – успешно, но без права причисления к Генеральному штабу из-за низкого среднего балла. Сегодня можно лишь предположить, так как прямых свидетельств не сохранилось, что Яков Александрович вполне мог вступить в конфликт с одним из преподавателей академии. Прямой, честный и храбрый офицер отличался превосходнейшим образованием, но уже тогда не терпел несправедливость.

А. И. Деникин в своих незаконченных мемуарах, вспоминая академию, очень ёмко сформулировал своё отношение к несправедливости в её стенах следующими словами: «Каким непроходимым чертополохом поросли пути к правде». Для этого у него были достаточно веские причины:

«Весною 1899 года последний наш «лееровский» выпуск заканчивал третий курс при Сухотине. На основании закона были составлены и опубликованы списки окончивших курс по старшинству баллов. Окончательным считался средний балл из двух: 1) среднего за теоретический двухлетний курс и 2) среднего за три диссертации. Около 50 офицеров, среди которых был я, тогда штабс-капитан артиллерии, причислялись к корпусу Генерального штаба; остальным, также около 50-ти, предстояло вернуться в свои части. Нас, причисленных, пригласили в Академию, от имени Сухотина поздравили с причислением, после чего начались практические занятия по службе Генерального штаба, длившиеся две недели...

Но вот однажды, придя в Академию, мы были поражены новостью. Список офицеров, предназначенных в Генеральный штаб, был снят, и на место его вывешен другой, на совершенно других началах, чем было установлено в законе». История долгая, но поучительная. Антону Ивановичу потребовалось много сил и здоровья, чтобы добиться справедливости. Благодаря настойчивости будущего прекрасного военачальника, его всё-таки причислили к Генеральному штабу в 1901 году, после соответствующей резолюции военного министра.

По поводу обучения в Академии Генерального штаба генерал Мартынов не без иронии рассказывал, как бывший начальник академии генерал Леер неоднократно говорил ему,

что «наши курсы военного искусства представляют огромную мусорную кучу, куда каждый несёт свои отбросы». В частности, он писал:

«Затем, каждого поражает оторванность академии от жизни. В то время как все высшие военные школы Европы идут во главе быстро развивающегося военного дела, наша академия как бы замерла в своих отживших неподвижных формах.

Офицеров заставляли заучивать переправы на какой-нибудь давно пересохшей речке, запомнить количество баранов и свиней, приходящихся на одну квадратную версту в Галиции, а между тем никто не позаботился познакомить их, хоть в самых общих чертах, с Маньчжурией, где русской армии в действительности пришлось вести войну. Слушателей академии спрашивали о том, сколько золотников соли на человека возится в различных повозках германского обоза, каким условиям должна удовлетворять ремонтная лошадь во Франции; но организация японской армии оставалась для нас тайной до такой степени, что перед моим отправлением на войну главный специалист по этому предмету категорически заявил мне, что Япония не может выставить в Маньчжурии более 150 тысяч человек. Занимаясь пустословием о воображаемой тактике Чингисхана и фантастической стратегии Святослава, академические профессора в продолжение целой четверти века не успели даже критически исследовать нашу последнюю турецкую войну, ошибки коей мы с точностью повторили теперь на полях Маньчжурии. Следуя раболепно и подобострастно, но без всякого смысла и рассуждения в хвосте Драгомирова, представители нашей официальной военной науки прозевали те новые приёмы военного искусства, которые под влиянием усовершенствованной техники зародились на Западе. По справедливому замечанию французского писателя Негрие, «русская армия не захотела воспользоваться ни одним уроком последних войн». Вообще, академия генерального штаба, вместо того чтобы упорно служить проводником новых идей в войска, всё время упорно отворачивалась от жизни, пока сама жизнь не отвернулась от неё.

Однако бессистемность академической программы и отсталость отдельных курсов являются несравненно меньшим злом, чем те методы преподавания, которые господствуют в академии».

В отличие от Деникина, Слащёв, судя по всему, не стал тратить свои нервы на то, чтобы доказать свою правоту, и тем самым он отказался от борьбы за причисление. Жалел ли он об этом потом, неизвестно и поныне.

5

После академии поручик Слащёв был назначен младшим офицером в Пажеский Его Императорского Величества корпус, где был самым обыкновенным преподавателем тактики в течение целых трёх лет. Правда, на штатную должность преподавателя Якова Александровича назначили только 31 марта 1914 г. До этого он числился всего лишь прикомандированным.

Вновь к Гвардейской пехоте Слащёва причислили только 31 марта 1914 года. То есть как перспективный офицер гвардейской пехоты он был лишён строя, что для выпускника Академии Генерального штаба считалось, так сказать, дурным тоном. Но нельзя забывать и о том, что Пажеский корпус в царской России был самым элитным учебным заведением. Как военно-учебное заведение он существовал с 1802 года. До этого это была просто придворная школа, созданная указом от 5 апреля 1742 года. В 1762 г. Екатерина II запретила принимать в эту школу отроков недворянского происхождения. К началу XIX века Пажеский корпус состоял из трёх пажеских классов (на 50 пажей) и одного камер-пажеского (на 16 камер-пажей) и в порядке управления не был объединён с другими военно-учебными заведениями. С 1810 г. корпус разместился в комплексе зданий по Садовой улице в бывшем дворце графа М. И. Воронцова. И только в 1819 г. он был подчинён главному директору кадетских корпусов. С 1827 г. число обучающихся доведено до 150 человек.

По положению 1889 г. Пажеский корпус состоял из 7 классов, с учебным курсом кадетских корпусов и двух специальных, с учебным курсом военных училищ. Все воспитанники носили звание пажей, а при переходе в старший класс за успехи в науках и по дисциплине могли быть произведены в камер-пажи.

«Пажеский корпус, – сообщается в «Википедии», – состоит в ведомстве военного министерства и подчиняется главному начальнику военно-учебных заведений, непосредственное управление вверяется директору, а ближайшее заведование учебной частью – инспектору классов. Ротами заведуют ротные командиры, а классными отделениями – офицеры-воспитатели. При корпусе состоят комитеты: педагогический, дисциплинарный и хозяйственный.

Общий комплект обучающихся: 170 интернов, воспитывающихся на полном казённом иждивении, и 160 экстернов, за которых уплачивается по 200 р. в год.

В 3-м (низшем) классе полагаются только экстерны. Сверх общего числа интернов полагается 6 штатных вакансий для уроженцев Финляндии. К приёму в корпус допускаются исключительно зачисленные предварительно, по Высочайшему повелению, в пажи к Высочайшему двору; ходатайствовать о таком зачислении разрешается лишь о сыновьях и внуках лиц, состоящих или состоявших на службе в чинах первых трёх классов или же об отпрысках родов, занесённых в пятую и шестую части родословных книг (титулованное и древнее дворянство).

Приём производится по состязательному экзамену; в 7-й общий и оба специальные классы ни приёма, ни перевода пажей – кандидатов из других корпусов, не допускается (врем. прав. 1891 год).

Воспитанники делятся на три роты. На лагерное время 1-я рота выводится в лагерь, в Красное Село, где прикомандировывается к Офицерской стрелковой школе; 2-я рота проводит летом от 5 до 6 недель в кадетском лагере в Петергофе. Пажи 1-й роты считаются на действительной военной службе. По результатам выпускного экзамена все воспитанники старшего специального класса разделяются на четыре разряда:

1. Отнесённые к 1 разряду выпускаются подпоручиками или корнетами в гвардию, или теми же чинами в армию или в специальные войска, с одним годом старшинства, и полу-

чают на обмундирование по 500 руб., трое отличнейших из них могут быть прикомандировываемы к гвардейской артиллерии;

2. Отнесённые ко 2 разряду – подпоручиками и корнетами в армию или специальные войска, с одним годом старшинства, и получают на обмундирование по 225 руб.;

3. Отнесённые к 3 разряду – теми же чинами в армию, без старшинства; на обмундирование получают столько же;

4. Отнесённые к 4 разряду переводятся в части армейской пехоты или кавалерии унтер-офицерами на 6 мес, после чего могут быть производимы в офицеры, но исключительно на вакансии.

Все отнесённые к первым трём разрядам выпускаются в части войск по собственному выбору, хотя бы в них не было вакансий, но в гвардейские части лишь в те, где сверхкомплект офицеров не превышает 10 %.

Неспособные к военной службе награждаются гражданскими чинами: первые 2 разряда – X класса, 3 разряда – XII и 4 разряда – XIV класса».

Кроме всего прочего, воспитанники Пажеского корпуса в период обучения считались причисленными к Императорскому двору и систематически несли обязанности караульной службы.

Сложно сказать, как себя чувствовал Яков Александрович среди детей и внуков августейших особ и членов императорской семьи, но за два года преподавательской работы в корпусе ему удалось написать одну весьма примечательную книгу «Ночные действия». Она была издана в типографии Альтшуллера по адресу Фонтанка, 96 в 1913 году.

В ведении к ней автор писал:

«Во все времена ночные действия рассматривались как явление необычное, можно сказать, из ряда вон выходящее, составляющее удел талантливых – лучших полководцев своего времени.

Это обуславливается тем, что выполнение их сопряжено с большими трудностями, преодоление которых требует недюжинных способностей от начальника и хорошей подготовки войск.

Эти два условия, т. е. личность начальника, способного организовать и привести в исполнение ночное действие и войска, достаточно хорошо подготовленные, чтобы выполнить это действие, и представляют собою главное затруднение.

Трудность действия ночью происходит вследствие:

- 1) Большой впечатлительности войск ночью.
- 2) Сокращения до минимума обзора и обстрела.
- 3) Увеличение случайностей.
- 4) Упадка физических сил войск, вследствие отсутствия сна и утомления.
- 5) Трудности управления войсками и ориентировки.
- 6) Трудности маневрировать.
- 7) Затруднительности действия артиллерии и конницы.

Всё вышесказанное указывает, насколько трудно действовать ночью, а между тем действовать нужно, потому что в некоторых случаях это необходимо, а иногда прямо решить дело в нашу пользу.

Обратимся теперь к рассмотрению, какие выгоды представляют собою ночные действия:

1) Очень часто энергичный начальник, не обладающий достаточными силами для победы над противником, попытается восполнить этот пробел ночными действиями, которые не позволят противнику разобраться в обстановке, в нападающих силах и дадут победу, хотя и более слабым количеством, но более сильным качеством войскам (качеством начальника и духовной силой и обучением войск).

2) Находясь далеко от противника, энергичный начальник может быстрым ночным маршем поглотить это расстояние и неожиданно напасть на противника.

3) Желая отвязаться от противника после боя, начальник может воспользоваться для этого ночью, т. е. ночными действиями вернуть себе свободу действий.

4) Обладая всеми данными, чтобы одержать верх над противником в дневном бою, но предвидя огромные потери, вследствие плохих подступов, передовых пунктов и сильного огня противника, начальник может решить избежать этих потерь при помощи ночных действий (взять передовые пункты ночью и подвести свои силы на последнюю стрелковую позицию).

5) После дневного боя, давшего недостаточные результаты, начальник может, не опасаясь губительного огня противника, под которым его войска изнемогали весь день, достигнуть цели ночными действиями.

6) Наконец, ночные действия облегчат движение во время жары.

Из вышеуказанного видно, что главным образом ночь влияет на:

1) Духовную сторону бойца.

2) Значение современного огня.

3) Увеличение значения случайностей.

4) Управление, охранение, разведку, маневрирование и ориентировку войск».

В апреле 1913 г. Слащёва производят в очередной чин штабс-капитана, а на груди появляется первый орден Святого Станислава 3-й степени. Некоторые очевидцы утверждали, что Якову Александровичу нравилась новая поприще. Тогда он преподавал с удовольствием и много времени уделял своему самообразованию. При этом у него появилось желание навсегда распрощаться с мундиром своего полка, дабы всего себя посвятить военной науке.

Всё в том же 1913-м молодой офицер заключил брак с Софьей Владимировной Козловой (1891 г.), которая была дочерью командира лейб-гвардии Финляндского полка. В 1915 году в этом браке родится дочь. В 1920 г. жена и дочь белого генерала эмигрируют во Францию.

Сегодня в некоторых статьях про Слащёва можно встретить такое утверждение, будто бы Яков Александрович женился на дочери командира гвардейского полка исключительно ради карьеры. Но это не более чем личное мнение авторов, так как на тот момент Слащёв преподавал в Пажеском корпусе не один год и к полку никакого отношения не имел. С Софьей Владимировной он познакомился гораздо раньше, ещё юным подпоручиком, когда был представлен семье полкового командира. Но тогда ей было всего 14 лет. И только теперь, когда девушке исполнилось 22, а молодому офицеру 28, родители почтенного семейства благословили молодых и дали своё согласие на брак.

Почему в 28? Потому что по правилам, утверждённым 3 декабря 1866 года, русским офицерам запрещалось жениться ранее достижения возраста 23 лет. До 28 лет офицеры могли жениться только с разрешения своего начальства и только в случае предоставления ими имущественного обеспечения реверса, принадлежащему офицеру, невесте и обоим. Предоставленное обеспечение должно было приносить в год не менее 250 руб. чистого дохода.

Как рассказывает известный историк СВ. Волков, «позднее эти правила были подтверждены и развиты законом от 7 февраля 1881 г. и другими актами, принимавшимися в 1887, 1901–1906 гг. По-прежнему сохранялись названные возрастные ограничения и внесение реверса офицерами, получавшими до 100 руб. в месяц, а с 1901 г. и вообще всеми офицерами, получающими менее 1200 руб. в год, независимо от возраста (т. е. практически всеми офицерами до командира роты). Сумма реверса была к тому же повышена. 4 марта 1903 г. возраст внесения реверса снова был ограничен 28 годами».

Так что Я. А. Слащёв вступил в брак абсолютно по закону, таким образом составив себе хорошую партию. Ведь при даче разрешения на брак учитывалась его пристойность, а это значит, что невеста офицера должна была быть «доброй нравственности и благовоспитанна». Кроме того, её общественное положение было вне всяких сомнений.

6

По-разному сложились судьбы однокашников Слащёва по Академии Генерального штаба. Виной тому стала так называемая Октябрьская Социалистическая революция, плавно перешедшая в Гражданскую войну. И думается, будет совсем не лишним очень кратко рассмотреть биографии этих офицеров, волею судьбы и злого рока оказавшихся по обе стороны братоубийственной войны. Ибо в целом они представляют некую картинку той эпохи, ставшей трагической страницей в жизни почти каждого из них.

Апухтин Константин Валерианович (1881–1945). Окончил Пажеский корпус (1902), Офицерскую кавалерийскую школу (1912), Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Штабс-ротмистр (1910). Командир эскадрона лейб-гвардии Уланского Её Величества полка (1912). С 1918 г. в Белой армии. До эвакуации Крыма командир запасного кавалерийского полка. В эмиграции служил в пограничной страже в Югославии. В 1941 г. представитель Русского Корпуса в Югославии. С 1929 г. имел чин генерал-лейтенанта.

Архипов Михаил Николаевич (1885–1972). Окончил 1-й кадетский корпус (1903), Павловское военное училище (1905), Санкт-Петербургский археологический институт (1908), Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны. Подполковник (1915). В 1917-м штаб-офицер для поручений при штабе 22-го армейского корпуса, начальник штаба 6-й Финляндской стрелковой дивизии, начальник штаба 22-го армейского корпуса, командующий войсками Казанского военного округа. С 1918 г. в Белой армии. Начальник штаба войск Мурманского района. В эмиграции в Финляндии, военный писатель, сотрудник журнала «Военная Быль».

Богданович Павел Николаевич (1883–1973). Окончил Киевское военное училище (1904) и Николаевскую Академию Генерального штаба (1911). Участвовал в экспедициях по прекращению волнений и беспорядков в Закавказье, где был ранен в голову и спину. Участник Первой мировой войны. Был контужен и ранен. Подполковник (1914). Старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии (1913). При окружении 13-го и 15-го армейских корпусов попал в плен. В 1918 г. бежал в Голландию. В 1922 г. приглашён на службу в военную миссию при русском посольстве в Париже. В 1921 г. произведён в чин полковника. Исполнял должность штаб-офицера для поручений при главноуполномоченном Главнокомандующего Русской армией в Париже. Во время Второй мировой войны стал редактором издававшегося в Париже еженедельника «Парижский вестник». В 1948 г. уехал в Аргентину, где первое время был управляющим большого имения в горах, а затем по болезни выехал в Буэнос-Айрес.

Бучинский Борис Иванович (1881–1971). Окончил Киевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую военную академию. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. – старший адъютант отделения генерал-квартирмейстера штаба 5-й армии. Полковник. С 1918 г. в Белой армии. Начальник Контрразведывательного и разведывательного отделений. Умер во Франции в доме для престарелых.

Букретов Николай Адрианович (1876–1930). Окончил Московское юнкерское училище (1896) и Николаевскую Академию Генерального штаба (1911). Участник Первой мировой войны. Командир 90-го Онежского полка, начальник 2-й Кубанской пластунской бригады. Генерал-майор (1916). В 1920 г. – войсковой атаман Кубанского казачьего войска. До 1922 г. проживал в Константинополе, затем эмигрировал в США.

Васильев Виктор Михайлович (1879–?). Окончил Киевское военное училище (1902) и Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Русско-японской

и Первой мировой войн. Исполняющий должность старшего адъютанта штаба Одесского Военного округа. Полковник (1917). В 1918 г. в армии УНР, а позже Украинской Державы.

Верховский Александр Иванович (1886–1938). Пажеский корпус не окончил, был исключён. В чин подпоручика произведён «за боевые отличия». Императорскую Николаевскую военную академию окончил (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Начальник оперативной части 22-го армейского корпуса, помощник начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии. В 1907 г. военный министр. Генерал-майор (1917). В 1919 г. вступил в Красную армию, член Особого совещания при Главкоме РККА. В 1930 г. – начальник штаба Северо-Кавказского военного округа. В 1931 г. по обвинению в антисоветской деятельности приговорён Коллегией ОГПУ к расстрелу. Приговор заменён 10 годами лагерей. В 1934 г. досрочно освобождён. В 1936 г. присвоено звание комбрига. В 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в антисоветской деятельности приговорён к расстрелу. В 1956 г. реабилитирован.

Вишневский Виктор Арсеньевич (1878–1918). Окончил Казанское пехотное юнкерское училище и Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Исполняющий должность начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Северного фронта. Подполковник (1915).

Гершельман Владимир Константинович (1880–?). Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1899), Николаевское инженерное училище (1902), Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Русско-японской войны. Командир роты в лейб-гвардии Измайловском полку, капитан (1911).

Головкин Владимир Константинович (1881–1937). Окончил Академию Генерального штаба (1911). Подполковник. В годы Гражданской войны в Красной армии. Военспец, преподаватель методики обучения войск на курсах «Выстрел». В 1931 г. арестован по делу «Весна». В 1937 г. – заведующий военной кафедрой Планового института Госплана СССР. Арестован по обвинению в шпионаже и антисоветской агитации. Приговорён к расстрелу. Реабилитирован в 1957 году. Всю свою жизнь собирал и исследовал российские знаки почтовой оплаты, цельные вещи Российской империи. В его коллекции были такие редкости, как, например, провизорные штемпельные конверты Царства Польского. Коллекция Головкина частично пострадала при аресте, а частично была распродана дочерью. Также Головкин автор многочисленных трудов по тактике, значительная часть которых была уничтожена после ареста, а остальные попали в фонды спецхрана.

Гонтарёв Борис Викторович (1879–1977). Окончил Одесское военное училище (1905) и Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Начальник штаба 12-й армии, полковник (1917). С мая 1918 г. в Белой армии. Начальник штаба отряда генерала А. Г. Шкуро. В эмиграции в Югославии работал преподавателем в сербской гимназии в Белграде. В 1924 г. произведён в генерал-майоры. Во время Второй мировой войны совместно с генералом М. Скородумовым являлся основателем Русского корпуса в Югославии. Умер в Австрии.

Добржияловский Борис-Август Антонович (1872–1917). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1900) и Императорскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны. Подполковник (1916). Штаб-офицер для поручений при штабе 23-го армейского корпуса. Умер в Ставке Верховного Главнокомандующего от кровоизлияния в мозг.

Замбержицкий Виктор Альфонсович (1883–1960). Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1903) и Николаевскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны. Подполковник (1916). Старший адъютант оперативного отделения генерал-квартирмейстера штаба Особой армии. С 1917 г. – начальник штаба 133-й пехотной дивизии, затем 29-го армейского корпуса. Полковник (1917). С 1918 г.

в Белой армии, генерал-майор. Генерал для поручений при Главнокомандующем Вооружённых Сил Юга России. Умер в США. Автор многочисленных статей по истории Второй мировой войны в журнале «Часовой».

Зарубаев Владимир Николаевич (1880–1972). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1903) и Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Помощник начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта, полковник. В 1918 г. вступил в Красную армию. Занимал должность помощника заведующего и заведующего учебной частью Тамбовских пехотных курсов. Начальник штаба Тамбовского укрепленного района. С 1921 г. помощник командующего войсками Петроградского военного округа, служил в военно-учебных заведениях и штабах.

Капустин Николай Яковлевич (1878–1927). После Технологического института выдержал офицерский экзамен как прапорщик запаса. Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны. Начальник отдела 2-го отделения управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем, полковник. Штатный преподаватель военных наук в Николаевской военной академии (1918). С 1918 г. в Красной армии. Заведующий обучающимися слушателями и группами слушателей по практическим занятиям в Академии Генштаба РККА. Преподаватель Артиллерийской академии, секретарь Военно-научной редакции Военно-исторической комиссии, штатный заведующий обучающимися в Военной академии, преподаватель Военно-инженерной академии.

Касаткин Василий Николаевич (1885–1963). Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. Начальник штаба корпуса, генерал-майор. С 1918 г. в Белой армии. Начальник военных сообщений Ставки адмирала А. В. Колчака, преподаватель военных наук в Академии Генштаба. Военно-полевым судом осуждён на 6 месяцев заключения, исполнение приговора было отложено до окончания войны. Генерал-квартирмейстер штаба Омского Военного округа. В эмиграции жил во Франции.

Косматов Александр Васильевич (1879–1938). Окончил Военно-топографическое училище (1900) и Николаевскую академию Генштаба (1911). Полковник, начальник штаба Латышской стрелковой дивизии. С 1918 г. в Красной армии. В 1918–1919 гг. – военрук краевой экспедиции Туркестана, в 1919–1920 гг. – начальник штаба Двинского Укрепленного района. В 1932–1937 гг. военрук Геодезического института, военрук Московского государственного университета, начальник 2-го отделения, начальник 6-го отделения 7-го отдела Разведуправления РККА.

Косьмин Владимир Дмитриевич (1884–1950). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1911). Участник Первой мировой войны в 8-м Московском гренадёрском полку. Подполковник (1916), полковник (1918), генерал-майор (1919), генерал-лейтенант (1919). В Белой армии с 1918 года: начальник штаба 1-й (6-й) Уральской дивизии, командир 4-й Уфимской дивизии, командир 6-го Уральского корпуса и армии, командующий Сводной группой войск. В эмиграции в Китае. Формировал и руководил контрреволюционными отрядами.

Кузнецов Матвей Никифорович (1888–1938). Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище (1905) и Императорскую Николаевскую академию (1911). Участник Первой мировой войны. Штаб-офицер для поручений при штабе 46-армейского корпуса, подполковник (1916). Исполняющий должность начальника штаба 27-й пехотной дивизии, полковник (1917). С 1918 г. в армии Украинской державы, адъютант штаба 3-го корпуса в Одессе. Затем в Красной армии. В 1930 г. преподавал в Московской военно-инженерной школе.

Кусонский Павел Алексеевич (1880–1941). Окончил Полтавский Петровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба (1911). Участник Первой мировой войны. Офицер в штабе 8-й армии, офицер в управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного Главнокомандующего. Полковник (1917), генерал-майор (1919), генерал-лейтенант (1922). В Белой армии – генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии, комендант Симферополя, начальник штаба 3-го армейского корпуса. В эмиграции проживал в Турции, Бельгии, Франции. В 1941 г. арестован гестапо и помещён в концлагере, как возможный сторонник Советского Союза и противодействия Германии в войне с СССР. Умер от жестоких побоев в концлагере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.